
ЮЖНЫЙ КОНТУР
ЮГ ДВИЖЕТ ИМПЕРИЮ
СИЛА В ДВИЖЕНИИ
КОНТУР ЮГ
Алиса Морина

Алиса Морина

Ривенхольд #3. Южный контур

https://litres.ru/74776117
SelfPub; 2026

Аннотация

Илар уезжает на юг искать происхождение узла, который не должен существовать. Южная магистраль числится мёртвой одиннадцать лет — но в трубах есть давление, на старых столбах висит новый провод, а нужное дело исчезло из архива за три дня до его приезда.

Аделин остаётся в Ривенхольде и находит тот же след в пломбах, старых журналах и чужих клеймах. Между ними — шесть суток пути и сорок слов шифрограммы.

Чем дальше Илар идёт по южному контуру, тем яснее становится: то, что случилось с Ривенхольдом, началось гораздо раньше. И кто-то до сих пор следит, чтобы старые документы оставались правильными.

Содержание

Глава 1. Конечная 4
Глава 2. Комендант 16
Глава 3. Город без него 29
Глава 4. Эрма 43
Глава 5. Клеймо 55
Глава 6. Вскрытая посылка 67
Глава 7. Пост Кадир 78
Глава 8. Ночной такт 89
Конец ознакомительного фрагмента. 102

Алиса Морина
Ривенхольд #3.
Южный контур

Глава 1. Конечная

Раму я опустил до упора. Она пошла вниз с визгом, по сухому пазу, и в коридор сразу натянуло пыли. Жёлтая и тёплая. Она легла на рукав пальто, на губы. Я сжал зубы, и на зубах скрипнуло.

Шесть суток назад на перроне у меня шёл пар изо рта.

Слева от полотна, шагах в сорока, шли столбы. Просмолённые, серые от солнца, на каждом траверса и по два крюка. Военная магистраль. Трубу положили в землю, по столбам шёл кабель управления, по правому крюку. По левому телеграф. Это я помнил пальцами раньше, чем глазами: на правом крюке хомут затягивают снизу вверх, иначе кабель в жару ползёт.

Провода на них не было. Изоляторы стояли закопчённые, тёмные, на некоторых стекло побито до юбки.

Счёт я вёл от разъезда, где столбы вышли из степи к полотну. Сто восемь. Сто девять.

Двенадцать лет назад я считал их из такого же коридора, в

другую сторону. Тогда провод на них висел и гудел на ветру, а за окном лежала та же пыль и та же жёлтая трава. Я досчитал тогда до шестисот сорока, и на разъезде столбы отвернули от полотна в степь. Дальше начинался север.

Сто шестнадцать.

По коридору шёл проводник с подносом. Стаканы в подстаканниках звякнули и замолчали, когда он остановился у меня за спиной.

— Господин пассажир. Раму попрошу.

Он поставил поднос на откидной столик, взялся за ремень рамы обеими руками и потянул вверх. Рама поднялась, пыль осела на стекло изнутри.

— Первый класс, — сказал он. — Купе пятое жалуется. Пыль в чай.

Отвести глаза от изоляторов я не мог. Я отжал защёлку и опустил раму снова. Ладонь положил сверху, на горячее дерево. Нагрелось оно так, что в первую секунду захотелось убрать руку. Я держал.

Проводник посмотрел на мою ладонь, потом на поднос. Чай в стаканах подёрнулся жёлтым.

— Старшего позову, — сказал он.

Он взял поднос и ушёл, не расплескав. Дверь в тамбур хлопнула.

Пока он стоял, я потерял счёт. То ли сто девятнадцать, то ли двадцать один. Пыль попала в левый глаз, я проморгался, и за это время мимо прошло ещё сколько-то.

Начал заново, со столба напротив окна.

На этом столбе одного крюка не было вовсе. На следующем траверса висела косо, на одном гвозде. Земля под столбами была пустая, без тропы. Обходчика здесь не было давно. Обходчик ходит под линией, и под его ногами трава не растёт, даже такая.

На каждом стыке колёса били дважды. Между столбами выходило по четыре стыка.

На сорок втором я увидел белое.

Изоляторы. Фарфоровые, белые, как зубы. Два на траверсе, оба на месте. Траверсу сменили, свежий брус, ещё жёлтый в торце. И провод. Он шёл по правому крюку, натянутый, без провиса между опорами, и на солнце блестел так, что резало глаз.

Следующий столб. То же самое. И следующий.

Я перестал считать.

Провод шёл вдоль полотна от столба к столбу. Я высунулся в окно, сколько пустила рама, по плечи. Ветер ударил в лицо горячим и песком. Впереди путь шёл по равнине прямо, и столбы шли рядом с ним, и на каждом блестело. Там, где они становились мельче спички, блестело тоже.

Где кончается новый провод, я так и не увидел. Он кончался за краем земли.

Позади хлопнула дверь тамбура. Проводник шёл первым, за ним шёл старший, в белом кителе, с цепочкой часов поперёк живота.

Я убрал ладонь с рамы и сам поднял её до верха. Защёлка села. Ладонь была в пыли, серой, в складках. Я стряхнул её о бедро, раз, другой.

— Благодарю, — сказал старший.

Я прошёл мимо них в купе, к чемодану.

Поезд встал под водокачкой. Из хобота в тендер ударила вода, и по крыше вагона дробью пошли брызги. Последний разъезд перед Сарратом. Будка, водокачка, два тополя, у будки на лавке солдат в выгоревшей фуражке.

Ворот рубашки я расстегнул ещё под утро, от жары. Теперь застегнул снова, до верхней пуговицы. Пуговица легла на глиф, и он отозвался под ней тупо, как ушиб.

Чемодан я положил на нижнюю полку и откинул крышку. Китель лежал сверху, как я уложил его в Ривенхольде: по швам, рукав к рукаву. Я вынул бельё, перевернул китель подкладкой вверх и положил на дно. Бельё обратно, поверх. Бритву в футляре сверху. Папку с бумагами комиссии у стенки.

По коридору пошли сапоги. Остановились у пятого купе, у четвёртого. Голос был без вопроса в конце:

— Проверка въезжающих. Документы.

Дверь моего купе откатилась. Контролёр комендатуры протектората, бляха на груди, в руке планшет с листом. Лицо обожжено до цвета кирпича, кроме полосы под ремешком фуражки.

— Документы.

Из внутреннего нагрудного кармана пальто я достал мандат. Листок реестра был приколот к нему булавкой, сзади. Развернул я его на вторые сутки дороги, ночью, под лампой, и с тех пор он держал сгиб. Химический карандаш Лангфорд: «Магистраль Саррат — Гельвин. Выведена из работы вместе с объектом». Дата одиннадцатилетней давности. Заверено подписью.

Контролёр взял мандат двумя пальцами и повернул к окну.

— Уполномоченный комиссии Имперского управления магистралей, — прочёл он вслух. — Дюпре.

Он посмотрел на меня. Фамилия ему не сказала ничего. Её мне вписали указом, когда отправляли на север: фамилия матери. Здесь, на юге, у меня была другая, и меня звали лейтенантом.

— Цель въезда.

— Установить происхождение узла южной военной серии.

Он подождал. Я молчал.

— Гражданское ведомство, — сказал он. — Северное.

— Да.

— В перечне у меня такого нет. Гражданских с севера досматриваем с вещами.

Он положил ладонь на крышку чемодана. Ладонь была широкая, сухая, в белых трещинах на костяшках. Я подумал о том, что в шести сутках к северу никто не стал бы класть руку на мои вещи. Одно слово, и он убрал бы её и встал бы

смирно.

Слово было застёгнуто под верхней пуговицей.

Я отщёлкнул замки и поднял крышку сам, до половины. Бельё. Папка. Бритва в футляре.

Контролёр наклонился. Пальцем отвёл край рубашки. Из-под неё вылез обшлаг кителя, сукно с кантом. Когда я поднимал крышку, бельё съехало к петлям, и рукав вышел наружу.

Он смотрел на обшлаг. На кант. Пуговицы на обшлаге не было видно, она ушла под бельё.

— Служили?

— Служил. Здесь.

Палец контролёра лежал на канте ещё секунду. Потом он убрал руку, выпрямился и отцепил от планшета лист. Повёл по нему пальцем сверху вниз. Остановился. Поднял на меня глаза ещё раз, дольше, и опять опустил в лист.

Из кармана гимнастёрки он вынул штамп и подул на него. Перевернул мандат и придавил штамп в углу, рядом с булавкой. Фиолетовая рамка, число внутри.

— Дюпре, уполномоченный, — сказал он и вернул мандат. — Вас встречают.

— Кто?

— В листе указано: встречают. Больше ничего.

Он козырнул и вышел. Дверь откатилась за ним до упора и отскочила на ладонь.

Я закрыл крышку чемодана и защёлкнул замки, сперва левый, потом правый.

Копия мандата ушла в Столицу по линии штаба на другое утро после того, как Лангфорд положила его мне на карту. Из Столицы, значит, и пришёл лист контролёра, раньше моего поезда.

Вагон дёрнуло. Сцепки лязгнули от паровоза к хвосту, и тополя за окном пошли назад, сперва один, потом второй.

Мандат я сложил по старым сгибам, вчетверо, штампом внутрь. Булавка опять кольнула палец сквозь бумагу. Я убрал его во внутренний нагрудный карман, к остальному, застегнул карман на пуговицу и положил сверху ладонь.

Подножка была горячая даже через подошву. Я сошёл на перрон с чемоданом в правой, и свет ударил сверху, белый, без тени. Тень была только под навесом, полосой вдоль стены вокзала.

Пахло горячей смазкой от букс и пылью. Из-за путей тянуло полынью, сухой, горькой, и ещё чем-то кислым, вроде овечьего двора. Так здесь пахло и в день, когда я уезжал. Я узнал запах раньше, чем вывеску на фронтоне. Буквы на вывеске выгорели до розового.

Конвоя на перроне не было. Офицера комендатуры не было. Носильщик с тележкой, две женщины в платках с узлами, у колонны дежурный по станции на табурете, красной фуражкой себе в лицо.

Комендант Саррата знал, когда приходит поезд. Поезд здесь приходит один.

Под навесом, у торца, стояла машина. Чёрная, открытая,

на дверце белой краской: «Упр. протектората». Мотор работал, и от капота шёл дрожащий воздух. Человек у машины бросил окурок, наступил на него и пошёл ко мне по краю тени.

Светлый китель, без знаков рода войск. Перчатки в левой руке. Остановился в двух шагах.

— Господин уполномоченный. С приездом.

— Благодарю.

— Уполномоченный Директората господин Сейл просит вас сегодня к ужину. В восемь. — Он подал конверт. — И машина. На всё время вашего пребывания она в распоряжении комиссии.

Сверху на конверте легли ключи, на кольце, с жестяной биркой.

Чемодан я поставил к ноге и взял конверт. Ключи соскользнули на ладонь и остались на ней. Бумага плотная, кремовая. Клапан запечатан белым сургучом.

Белый сургуч я видел на счётчике лавки, на ящиках, в которых из города увезли двоих, на свёртке, который сейчас лежал у меня в кармане, слева, под мандатом. Свёрток с этим сургучом я вёз шесть суток, чтобы сравнить, а сургуч ждал меня здесь, в конверте, на перроне.

Я перевернул конверт. Надпись была тушью, писарским почерком, с нажимом на заглавных: «Его Высочеству».

Адъютант смотрел мне в лицо. Глаза у него были светлые, ресницы выгорели. Он не моргал и не отводил глаз.

Конверт я положил обратно ему на перчатки. Сверху ключи.

— Здесь есть уполномоченный комиссии. Других нет.

Он не убрал руки. Конверт полежал на перчатках и не съехал.

— Как скажете, господин уполномоченный. — Он отступил к машине и открыл заднюю дверцу. — До города три километра по солнцу. Коменданта предупредили, что уполномоченного встречает управление протектората. Он вас не ждёт на вокзале.

Кожа сиденья блестела. От неё тянуло нагретым лаком.

Я взял чемодан правой. Левая висела вдоль бока пустая. На вес левую я не брал с тех пор, как Штерн снял бандаж, и здесь брать не собирался.

— Позвольте чемодан, господин уполномоченный.

— Не нужно.

Я пошёл по перрону. Носильщик посторонился с тележкой. Дежурный у колонны поднял фуражку с лица и опустил обратно.

Машина осталась справа. Мотор урчал на холостых, и от него тянуло бензином. Адъютант стоял у открытой дверцы, держа конверт в перчатках. Я прошёл в шаге от него, мимо дверцы, мимо горячего капота.

За спиной щёлкнула дверца. Негромко, до упора.

Впереди, в конце навеса, были ворота на привокзальную площадь, а у ворот из земли торчал серый стояк с круглым

циферблатом.

Стояк выходил из земли у самого столба ворот, по пояс. Труба в три пальца толщиной, серая от пыли, наверху тройник. На тройнике манометр в латунном ободе, сбоку кран отбора. Маховичок крана был выкрашен красным, и краска была свежая: на солнце она блестела, а у основания штока натекла каплей и застыла.

Всё остальное на стояке было старое. Хомут на трубе съела ржавчина, под ним на бетоне лежала рыжая шелуха. Клеймо на ободе я знал. Такие ставили на линиях при мне, и своими руками я закрепил их с полсотни.

Чемодан я поставил на землю, к ноге.

Стекло манометра затянуло пылью, как войлоком. Под ним угадывалась стрелка, тёмная полоса, и больше ничего. Я провёл рукавом по стеклу, от ободка к ободку. Пыль ушла на сукно жёлтой полосой.

Шкала до десяти атмосфер. Красная черта на шести, рабочая метка на четырёх, процарапана по эмали.

Стрелка стояла на четырёх.

По выписке, которую Лангфорд приколола к моему мандату, эта магистраль одиннадцать лет назад была выведена из работы. Мёртвая труба показывает ноль. Или то, на чём стрелку застало, когда давление ушло и стрелка прикипела к оси.

Я поднял правую руку и постучал ногтем по стеклу. Два раза, у самого ободка, там, где удар доходит до оси. Так сту-

чала бы Аделин и щурилась бы на стрелку.

Прикипевшая стрелка от такого стука не шелохнётся.

Стрелка вздрогнула. На волос вниз, на волос вверх, и встала на прежнее место, на четыре.

Я постучал ещё раз. Она вздрогнула снова и вернулась.

— Эй! Господин!

От будки у ворот шёл сторож. Старик в выгоревшей рубахе навыпуск, на поясе бляха, в руке палка. Шёл он быстро, припадая на правую ногу, и пыль вставала за ним до колен.

— Отойдите от трубы. Военная линия. Посторонним не подходить.

— Чья линия?

— Военная. — Он остановился в трёх шагах и упёр палку в землю. — Приказ управления протектората. Отойдите, господин.

Я положил ладонь на трубу стояка, ниже тройника. Металл нагрелся на солнце, как подножка вагона. Я подержал ладонь. Под ней, в глубине металла, раз за разом толкало. Слабо, как пульс через перчатку. Толчок, пауза, и опять толчок.

Сторож смотрел на мою руку и сопел. Палку он перехватил поудобнее.

Мёртвую трубу никто не стережёт. На мёртвой трубе кран не красят.

Ладонь я убрал. На ней остался серый отпечаток пыли, и я не стал его стирать. Взял чемодан правой и отступил на шаг,

к воротам.

Сторож опустил палку.

Стрелка за стеклом, в разводах пыли, стояла на четырёх.

Глава 2. Комендант

Дежурный стукнул в дверь костяшкой и открыл, не дожидаясь ответа.

— Уполномоченный комиссии, господин полковник.

Ждал я с третьего часа, на скамье под окошком дежурного: комендант был на объезде. Дежурный за это время черпал кружкой из бака в углу, каждый раз до риски, и бак закрывал крышкой.

С чемоданом в правой я вошёл.

Ставни в кабинете были прикрыты, свет лежал на полу полосами. Под потолком ходил вентилятор, четыре лопасти, и на каждом обороте в нём цокало. Бумаги на краю стола приподнимали углы и опускали.

Человек за столом отложил перо и поднялся. Погоны полковничьи.

Матис Дорн. Двенадцать лет назад он был лейтенантом соседней роты, в тех же погонах, что и я. Потом его перевели на дальнюю границу. Так мне сказали, и я не проверял.

Он вышел из-за стола. Виски у него выгорели или поседели, при таком свете не разобрать.

— Лейтенант, — сказал он и протянул руку.

Так меня здесь и звали. В роте, в соседней роте, на всех постах линии до Гельвина. Рука сухая и жёсткая. Пожал он один раз и отпустил.

— Полковник.

— Машину Сейла, видно, отпустили. — Он посмотрел на чемодан, потом на мои брюки, серые от пыли до колена. — Пешком шли.

С вокзала я шёл час. На столе у него, слева, стоял телефон, трубкой к креслу. За этот час кто-то успел ему позвонить.

Я поставил чемодан у стула. Из нагрудного кармана достал мандат, развернул по сгибам и положил на стол перед ним. Листок реестра на булавке лёг сзади, сгибом вверх.

Дорн наклонился над бумагой, не садясь. Прочёл первую строку.

— Дюпре, — сказал он.

Без запинки. Двенадцать лет назад он этой фамилии не слышал.

Дальше он читать не стал. Выпрямился. Листок на булавке и печать Лангфорд внизу так и остались непрочитанными.

Мандат я забрал и сложил.

На стене за его креслом висела карта протектората, наклеенная на холст. Железная дорога шла по ней сверху вниз, до Саррата. От Саррата на юго-восток уходила магистраль, двойным пунктиром. В конце пунктира было закрашено бурым: промзона Гельвин.

На буром стояли фишки. Деревянные кружки на гвоздиках, с номерами рот тушью. Пять штук, тесно. Крайняя справа была с буквой «К».

Пост Кадир. Наша.

Бумага вокруг фишек выгорела до серого. Дырка от гвоздика у каждой была одна, под ней самой. Карту в этом кабинете с тех пор не перекалывали ни разу.

Дорн проследил, куда я смотрю.

— Не трогали, — сказал он. — Снимать некому.

Вентилятор цокнул над нами и пошёл на новый оборот.

— Мне нужен архив протектората, — сказал я. — По Гельвину.

— По мандату — что положено.

— И ещё одно. Особый пропуск, выписанный в Ривенхольде через поверку. Ривенхольд — Саррат, южная линия. Дело комиссии.

Он сел. Взял перо, обтёр его о край промокашки и обмакнул. Подтянул к себе чистый лист из стопки.

Я ждал. Перо у него шло без нажима, строка за строкой. Потом оно остановилось, и он расписался внизу.

Про пропуск он не сказал ничего. Вентилятор цокал над столом, пока он сушил записку промокашкой.

Записку он сложил вдвое и положил на край стола, ко мне. Выдвинул ящик и достал ключ на деревянной бирке. На бирке выжжено «3».

— Архивариусу, — сказал он. — Подвал, лестница от дежурного. Комната в офицерском крыле, третья. Вода в баке до утра.

Он поднялся и положил ключ на записку, биркой ко мне.

Зачем я приехал на юг, он не спросил. За весь разговор

он не задал ни одного вопроса. Кто не спрашивает, тот ответ уже знает. Или не хочет, чтобы ответ прозвучал в его кабинете.

Записку и ключ я забрал со стола вместе. Бирка была тёплая, ящик стоял на солнечной стороне.

Дорн сел обратно, придвинул кресло. Перед ним лежала бумага, с которой он поднял голову, когда я вошёл. Исписанная до половины. Он перевернул её лицом вниз.

Лестница в подвал начиналась за спиной дежурного. Ступени бетонные, середина у каждой стёрта. Внизу запахло бумагой и мышами.

У двери с решёткой стоял умывальник, жестяной, с носиком. Я тронул носик снизу. Сухо. Рядом на гвозде висел ковш, и в ведре под ним воды было на два пальца.

Архивариус сидел за столом под лампой. Старик в чёрных сатиновых нарукавниках, воротник застёгнут, несмотря на жару. Записку Дорна он развернул и отнёс от глаз на всю длину руки. Прочёл дважды, шевеля губами на подписи.

— Мандат, — сказал он.

Мандат он прочёл так же, на вытянутой руке, весь, до печати Лангфорд.

— Какой район?

— Гельвин.

Он снял с крюка переносную лампу, подкрутил фитиль и пошёл вглубь. Я за ним.

Стеллажи шли до потолка, на торцах эмалевые таблички

по районам. Пламя в стекле качалось от его шага, и тени от полок ложились то вправо, то влево.

У таблички «Гельвин» он остановился и поднял лампу.

Папки стояли корешок к корешку, серые, с номерами. На второй полке сверху в ряду был просвет шириной в три пальца. В просвете стояла картонка, прислонённая к соседней папке.

Пыль на полке лежала толстым серым слоем. В просвете доска была чистая: прямоугольник с острыми краями, на который пыль не успела сесть.

Картонку я вынул из просвета. Надпись была чернилами, писарским круглым почерком: «Дело о демонтаже объекта. Промзона Гельвин. Передано в Столицу по запросу Директората». Ниже подпись, мелкая, с наклоном влево. Ниже дата.

Трое суток назад. До Саррата мне тогда оставалось трое суток пути.

Архивариус смотрел на картонку у меня в пальцах. Я вернул её в просвет, с тем же наклоном к соседней папке.

— Подпись ваша?

— Моя. Передача по описи. Запрос был по форме.

— Реестр выдачи.

Лампа у него в руке не дрогнула.

— Реестр по мандату можно, — сказал он.

Он вернулся к столу, отпер нижний ящик и вынул книгу. Толстую, в коленкоре, листы прошиты шнуром, и концы

шнура запечатаны в сургуч на корешке. Положил под лампу. Нашёл закладку и раскрыл.

Левый лист он оставил мне. На правый лёг растопыренной пятернёй, всеми пальцами.

— Гельвин, — сказал он. — Выдача по мандату. Прочее не по мандату.

Я наклонился.

Гельвин занимал полстраницы: ведомости караулов, приказы по постам. Мой палец остановился на середине.

«Акт демонтажа объекта промзоны Гельвин и вывода из работы магистрали Саррат — Гельвин». Дата одиннадцатилетней давности. Та же, что на листке Лангфорд у меня на булавке, день в день.

В графе подписей их было три.

Первая — капитан, фамилия длинная, с росчерком через всю графу. Вторая — инженер, буквы мелкие, налезали одна на другую. Обе я видел впервые.

Третья была короче. Чин и фамилия вписаны от руки: «Лейтенант М. Дорн». Под ними росчерк, заглавная «Д» с длинным хвостом вниз, через строку.

Записка Дорна лежала на углу стола, под лампой, развёрнутая. Внизу, после слова «Полковник», стояла та же «Д». С тем же хвостом через строку.

Блокнот я раскрыл рядом с реестром и стал переписывать карандашом. Номер. Наименование, слово в слово. Дату. Подписи по порядку, с их сокращениями и точками, и

хвост у «Д» провёл до низа следующей строки, как в реестре.

Архивариус смотрел на мой карандаш. Пятерня его так и лежала на правом листе. Он ничего не сказал.

Грифель на последней точке хрустнул. Я сдул крошку с бумаги и закрыл блокнот.

Реестр я закрыл сам, обеими руками. Коленкор был тёплый от лампы.

Архивариус взял книгу, отнёс к железному шкафу в стене и запер на два оборота. Ключ на цепочке ушёл к нему в жилетный карман. Записку Дорна он сложил и убрал туда же.

Потом протянул руку к шнуру над столом и дёрнул. Лампа погасла. Осталась только переносная, с подкрученным фитилём, у него на столе.

Наверху дежурный в окошке не поднял головы. За дверью комендатуры было уже темно. Внизу у крыльца стояла чёрная открытая машина с белыми буквами на дверце. Фары горели. Адъютант стоял у переднего крыла, в светлом кителе, и держал перчатки в левой руке.

— Господин уполномоченный. Господин Сейл просит вас. Ужин он отменил, кабинет открыт.

Адъютант открыл заднюю дверцу. Изнутри пахнуло нагретой кожей, хотя солнце село час назад.

— Далеко?

— Два квартала, господин уполномоченный.

— Пешком.

Он закрыл заднюю дверцу и сел за руль. Я сошёл с крыль-

ца. Машина тронулась следом и пошла рядом, у моего левого локтя, на первой передаче. Фары лежали на мостовой впереди меня двумя пятнами, и моя тень уходила в них длинная, до угла.

У колонки на углу стояла очередь. Женщины с вёдрами, мальчишка с бидоном на тележке. Колонка была на замке, цепь продета через рычаг. Свет фар прошёл по ним, и они отвернулись.

Управление протектората было трёхэтажное, белёное, с часовым у входа. В коридоре второго этажа пахло мокрой тряпкой. Под окном в конце коридора уборщица отжимала тряпку в ведро, полное до краёв.

Адъютант открыл дверь и встал у косяка.

Сейл поднялся из-за стола. Китель застёгнут доверху, левая рука в перчатке. Тот же, что на помосте в Ривенхольде. Загара на нём не было.

— Ваше Высочество. Садитесь, прошу.

В углу кабинета была раковина, белая, с латунным краном. Из крана капало. Капля набиралась, отрывалась и била в фаянс.

На столе стоял графин. Сейл взял его правой и налил два стакана, полных. Один поставил передо мной. Свой выпил до половины, не садясь, и сел.

Я сел напротив и выложил мандат.

— Дело о демонтаже объекта в Гельвине, — сказал я. — В архиве протектората его нет.

— Директорат запросил его для проектирования. — Сейл кивнул на мандат и не тронул его. — Старые линии восстанавливают по старым чертежам, господин уполномоченный. Других чертежей нет.

Он отодвинул графин. Из стола достал трубку бумаги, перетянутую резинкой, снял резинку и раскатал по столу. Углы придавил: один графином, другой своим стаканом, третий пресс-папье, четвёртый держал левой, в перчатке.

Карта протектората. Та же, что у Дорна на стене, только свежая и без фишек. Старые магистрали шли по ней чёрным. Поверх чёрного, по линейке, синим карандашом были проведены другие линии. Они расходились от промзоны Гельвин к посёлкам, по кружку на каждый.

— Восстановительная партия Директората, — сказал Сейл. — Чинит старые магистрали протектората. Посёлкам нужна вода. В Эрме она идёт по часам. Утром и вечером.

Слово «вода» он произносил так, как в Ривенхольде на бирже произносят «эфир».

Он снял левую с угла. Угол карты завернулся трубкой. Палец в перчатке пошёл по синей линии вверх. Мимо кружков, мимо разъезда, по двойному пунктиру до Саррата. Остановился на вокзале.

— Вы сегодня постучали по манометру у перрона, господин уполномоченный. Сразу с поезда. — Палец постучал по бумаге, два раза, у самого кружка. — Четыре атмосферы. Это вода.

Капля в раковине ударила в фаянс.

Пыль со стояка так и осталась у меня на пальцах правой руки, серая в складках.

Мой стакан стоял у края карты, полный. По стенке изнутри шли мелкие пузырьки. Я отодвинул его от себя, к графину.

Сейл посмотрел на стакан. Допил свой. Потом взял со стола мой мандат, сложил по сгибам, как он был сложен, и протянул мне через карту.

— Вы здесь от гражданского ведомства, Ваше Высочество, или от себя?

Мандат он держал за угол. Я взял его за другой.

— Уполномоченный комиссии Имперского управления магистралей, — сказал я. — Установить происхождение узла южной военной серии.

Он разжал пальцы.

Я встал. Мандат ушёл во внутренний карман, к остальному. Стакан остался стоять у графина. Вода в нём не шелохнулась.

Адъютант у двери посторонился, на полшага. Я прошёл мимо него в коридор. Уборщица у окна подняла ведро и понесла его к лестнице, двумя руками, не расплескав.

Бак в комнате стоял на табурете у двери, оцинкованный, с краном внизу. Я открыл кран над тазом. Вода пошла тёплая, с ржавчиной в первой струе. Пыль со стояка смылась с пальцев серыми нитками и ушла на дно таза.

Комната была узкая: кровать, стол у окна, лампа под жестяным абажуром. Ставни я закрыл на крючок, и мотыльки бились теперь в них снаружи, глухо, вразнобой.

Блокнот лежал на столе раскрытым. Строка из реестра. Три подписи. Хвост у «Д» через строку.

Часы в коридоре пробили час. Потом половину.

В дверь стукнули. Два раза, негромко.

Я встал и отодвинул задвижку.

Дорн стоял в коридоре без кителя, в рубашке с закатанными рукавами. Под мышкой он держал книгу, толстую, в зелёном переплёте с кожаными углами. Он вошёл, прикрыл дверь за спиной и сам задвинул задвижку до упора.

Садиться он не стал. Подошёл к столу, отодвинул лампу к стене и опустил книгу под абажур. На обрезе, по корешку, было выдавлено: «Ст. Саррат. Книга прибытия и выбытия».

Из книги торчала полоска промокательной бумаги. Он открыл на ней.

Страница была разлинована по графам: число, поезд, вагон, фамилия или документ, откуда, куда следует, отметка выбытия. Почерк дежурного, писарский, с нажимом.

Палец Дорна лёг на одну, у нижнего края, и ушёл в сторону.

Число — за шестьдесят суток до моего поезда, поезд с севера, вагон второго класса. В графе фамилии стояло: «Особ. пропуск». Откуда: «Ривенхольд». Куда следует: «Саррат». Южная линия. В графе выбытия пусто.

Ворота у нас закрыли в ночь после обрушения Магистрата, тогда этот пропуск и прошёл заставу. От заставы до Сарата шесть суток, и сошёл он здесь на шестые, день в день.

Я сел. Дорн стоял у стола и молчал.

Я перевернул страницу. Фамилии, документы, и в графе выбытия у каждого отметка: поезд на север, «гостиница», «к месту службы». Я вёл пальцем по графе сверху вниз и переворачивал. Числа вверху шли подряд, без пропусков.

Особого пропуска среди уехавших на север я не нашёл. В гостиничных отметках тоже пусто.

Я дошёл до последней исписанной страницы. Последняя строка на ней была моя. «Дюпре. Уполномоч. комиссии. Ривенхольд». Выбытие: «Офицерское крыло комендатуры». Рукой дежурного, свежими чернилами.

Между той строкой и моей было семьдесят две страницы. Я пересчитал их по обрезу, большим пальцем, дважды.

След кончался на перроне. Человек сошёл с поезда, а дальше книга о нём не знала.

Лампа у стены щёлкнула, в абажур ударил мотылёк, пробравшийся в щель ставни.

Дорн расстегнул нагрудный карман рубашки. Достал лист, сложенный вчетверо, развернул и положил поверх книги, на мою строку.

Лист был с машинки, через копирку, буквы бледные. Шапка: «Промзона Гельвин». Ниже столбец. Фамилия, инициал, дата, посёлок. Подписи под столбцом не было.

Я стал считать.

Первая строка — за сорок дней до того, как я сошёл здесь на перрон. Последняя — за восемь. Девятнадцать фамилий за тридцать два дня. Чаще чем через день.

Посёлки. Эрма. Эрма. Инженерный. Эрма. Я вёл карандашом по полю, не касаясь бумаги. Эрма — восемь раз. Остальные по одному, по два.

Восьмая Эрма стояла в четырнадцатой строке. «Тамаль, А.». За двенадцать дней до моего приезда. Ниже Эрмы в столбце не было.

Дорн смотрел на лист. Он положил на него руку, всю, пальцами к фамилиям, и рука закрыла столбец до середины.

Про подпись в реестре я не спросил. Он не стал объяснять.

Пальцы на листе у него лежали спокойно. Читал ли он одиннадцать лет назад то, под чем расписался, я не знал.

Потом он убрал руку. Лист остался лежать на вокзальной книге, на моей строке.

— Официально — ушли на заработки.

Глава 3. Город без него

Дежурный корпуса ждал у лестницы помоста, с суточным листом на дощечке. Карандаш был привязан к дощечке бечёвкой, и бечёвка заиндевела колом.

— Госпожа консультант. Лист на шесть утра, все ветки. Смена у меня в восемь.

Цифры стояли в графах столбиком, его рукой, одна под другой. Внизу пустая строка, и против неё моя фамилия, отпечатанная ещё при комиссии.

— Сейчас.

Дощечку я обошла и поднялась на помост.

Мороз за ночь прибил пар к колодцам. Над каждой задвижкой он висел низко, по колено, и оседал на перилах мохнатым инеем. Доски под сапогом звенели. Рукавицу с правой я стянула зубами и сунула под мышку.

Ввод Тупика. Ладонь на подающую, за задвижкой, где чугун без мешковины. Горячо, рука уходит сама. Стим-авеню то же. Кожевенная мягче, толчок в ней запаздывал, как всю неделю. Держит.

Внизу хлопнула калитка, и по лестнице затопали, тяжело, через ступень. Полковник Красс поднялся на помост в шинели, застёгнутой до горла, с листом рапорта в руке. Встал передо мной в двух шагах, каблуки вместе. Иней с перил осыпался ему на рукав.

— Госпожа консультант. Разрешите доложить.

Ладонь у меня лежала на трубе доков, и я кивнула, не снимая её.

— Ночь в городе без происшествий. Патрулей двенадцать, сменены в шесть ноль-ноль. Мороз к утру двадцать три.

Верхний город. Три котельные на склоне шли в одну трубу, и под ладонью она гудела, как печь с открытым поддувалом. Литейная.

— Задержаны двое, за кражу угля с товарной. Оба в комендатуре.

Читал он с листа, не сбиваясь, и пар от его слов уходил вверх, к пару колодцев.

Третий квартал стоял в схеме последним. Его маховик торчал из колодца у самого края помоста, и колодец под ним парил жиже остальных.

Стекло манометра ветки я протёрла рукавом. Стрелка стояла на ста восьмидесяти. На дощечке у дежурного против Третьего было выведено: сто девяносто.

— В шесть было сто девяносто?

— Было, госпожа консультант. Своими глазами.

Я положила ладонь на трубу. Тёплая. Руку с неё убирать не хотелось. На доках я едва терпела, здесь можно было греться, и это было плохо.

Обходная линия длинная, до бараков она гонит воду через весь квартал, и деление, потерянное у колодца, на дальнем конце съедает градусы. Значит, к вечеру дальний круг в

большом бараке остынет до инея на досках, и Штерн опять потащит лежачих к котлу.

Маховик ветки оброс инеем до спиц. Я взялась за обод. Большой упёрся сверху, указательный лёг на спицу и повёл, средний подхватил снизу. Безымянный и мизинец торчали в сторону, на морозе. Маховик стоял. Я налегла плечом, и он пошёл, туго, с хрустом льда в сальнике. Четверть оборота.

Ладонь я вернула на трубу и держала.

— Рапорт в канцелярию комиссии к восьми ноль-ноль, — сказал Красс.

Он сложил лист, вынул из-за обшлага записную книжку и раскрыл её на чистой странице. Карандаш встал над бумагой.

— Какие будут распоряжения?

Сказал и замолчал. Карандаш висел над страницей.

Под ладонью толкнуло, сильнее прежнего. Ещё раз. Стрелка дрогнула и поползла, по волосу.

Красс снял фуражку. Подержал её на отлёте, потом перехватил обеими руками и стал мять околыш, как мнут мёрзлую рукавицу, пока она не отойдёт. Уши у него на морозе сразу налились красным.

— Для журнала гарнизона, — сказал он. — Чтобы записать: доложено.

Стрелка дошла до ста девяноста. Труба под ладонью нагрелась у самого колодца, потом и выше, под мешковиной.

— Вот так и стой, — сказала я стрелке.

Красс ждал. Дежурный переминался, и доски под ним по-

званивали.

Дощечку я взяла у дежурного. Бечёвка натянулась и стряхнула лёд. Против Третьего, на поле, я вписала: «7.45 — 180. Доворот ¼. 190». Писала крупно, с нажимом, по-другому правая теперь не умеет. На последнем ноле грифель хрустнул, и ноль я дописала обломком. Мизинец не согнулся и лёг на лист отдельно, прямой, и тащился за рукой по инею на бумаге.

В пустой строке я расписалась. Подпись вылезла за край строки на полпальца.

— По Третьему сто девяносто, — сказала я дежурному и отдала дощечку. — В обед потрогайте трубу у колодца. Рукой.

Он сунул дощечку под мышку и побежал вниз, к смене.

Красс закрыл книжку, пустой страницей внутрь, и убрал её за обшлаг. Расправил фуражку на кулаке и надел. Козырнул мне, на помосте, на глазах у караульного у ворот. Потом спустился, через ступень, и калитка за ним хлопнула.

На рукаве у меня осталась крошка грифеля. Я её сдула.

В канцелярии комиссии топили так, что иней сошёл у меня с фартука ещё в коридоре и закапал на половицы.

Лангфорд вышла из кабинета сама.

— Госпожа Вандерхольт. Зайдите.

Дверь за мной она закрыла и повернула ключ. Бинт на правой руке был свежий, белый до синевы.

Окно кабинета выходило на площадь. Напротив стояла

Биржа, и над фронтоном Часы. На минутной стрелке лежал снег, валиком во всю длину. Стряхнуть его было некому.

Лангфорд села. Из папки вынула три листа, сколотых в углу, и положила передо мной на сукно, лицом ко мне.

— Утренней почтой из Столицы. Копия председателю комиссии.

Бланк Директората с гербом, машинопись без единой помарки. Внизу третьего листа подпись, узкая, с длинным росчерком назад. Сейл.

— Пункт четвёртый, — сказала Лангфорд и прочла, не беря листов: — «Обрушение здания Магистрата квалифицировать как саботаж, совершённый оператором объекта».

«Предлагаю квалифицировать как саботаж». Это Сейл сказал над моими тетрадями, при комиссии. Теперь те же слова кто-то вбил в бумагу машинкой.

Листы я взяла в руки. Бумага плотная, в Ривенхольде такой не делают. Я провела пальцем по четвёртому пункту, от начала строки. Литеры легли глубоко, и с обратной стороны каждое «о» прощупывалось бугорком. «Оператор объекта». Фамилии в строке не стояло. В Тупике Медных Игл оператор один, и в деле комиссии под моими показаниями три мои подписи, правой рукой.

Я прочла до конца. Сперва шёл график монтажа узлов нового стандарта, за ним отказы клапанов, «вследствие вмешательства на абонентской стороне», потом форсаж Сердца в ночь обрушения, по показаниям оператора. Последним шёл

оператор объекта. Подпись, число.

К первому листу я вернулась и прошла все три ещё раз, пальцем по левому полю, строку за строкой.

Мостика в рапорте не было. Мешка с брикетами не было.

Ни слова о девяти серых брикетах, которые прыгали по решётке у меня перед лицом, фабричных, в промасленной бумаге, с одной маркировкой. По трём листам Сейла Магистрат лёг от одного форсажа.

Палец у меня остановился на подписи. Под ногтем была ржавчина с маховика.

— Следствие приостановлено, — сказала Лангфорд. — Приостановлено, и только. Заключения комиссии нет. Столица ждёт от комиссии ответа на эту квалификацию, и ответ пойдёт за моей подписью.

Она подвинула к себе чернильницу и обтёрла перо о край.

— От вас мне нужно объяснение под протокол. По пунктам. Спокойно.

Перо так и осталось у неё в пальцах. Я положила ладонь на рапорт, на четвёртый пункт.

— На меня в Директорате лежит бланк с кодом уничтожения, «Цель номер два», его никто не отзывал, и Илар сказал мне об этом сам.

Лангфорд не подняла глаз. Взяла со стола химический карандаш, послюнила и написала на полях против пункта четвёртого, мелко. В конце строки карандаш надавил, и точка прошла насквозь. Лист она повернула ко мне.

«Со слов консультанта: код уничтожения на оператора объекта, Цель номер два, не отозван». Время. Её подпись.

— Пометка уйдёт в Столицу вместе с ответом комиссии, — сказала Лангфорд. — Под ней моя подпись. Под вашим объяснением будет ваша, и моя рядом, как председателя. Две подписи.

Из ящика она вынула чистый лист, с печатью комиссии в верхнем углу, и положила рядом с рапортом, край к краю. Перо положила сверху, ручкой ко мне.

Перо я взяла. Большой, указательный. Средний подтянулся и лёг под ними. Ручка была тёплая от её пальцев.

Тетрадь у меня была новая, тонкая, исписанная на четыре страницы: суточные листы гибрида, столбиком. Я достала её из кармана фартука, открыла на пятой и обмакнула перо в чернильницу Лангфорд.

Лангфорд смотрела, как я пишу, и не останавливала.

«П. 4. Саботаж, совершённый оператором объекта. Сейл». Буквы вышли крупные, на две клетки каждая. На фамилии перо зацепило клетку и брызнуло.

Перо я положила на сукно, ручкой к ней.

— Объяснение принесу завтра, — сказала я. — По пунктам. Сегодня оно у меня выйдет злое.

Лангфорд посмотрела на брызги в моей тетради.

— Завтра в десять. При секретаре.

Она собрала три листа, выровняла их о стол, постучав ребром, и вложила в папку комиссии. Чистый лист с печатью

лёг сверху. Тесёмки она завязала бантом, туго, и потянула за оба конца.

Тетрадь я сложила пополам и убрала в карман фартука, к струбцине.

Фартук я с вечера не сняла, так в нём и легла, и угол тетради в кармане всю ночь упирался мне в бедро. Разбудил стук. Кулаком, в нижнюю филёнку, потом ногой.

Окуляры Бернарда у двери подвала разгорелись и повернулись к входной.

— Вандерхольт! У меня кипяток по полу!

Засов я отодвинула на ощупь. Марта стояла на пороге в мужской куртке поверх ночной рубахи, с лампой в руке, и от подола у неё шёл пар.

— Где?

— В комнате. У стены. Хлещет.

Сумку я сняла с гвоздя у верстака. Ключ лежал сверху, где я его оставила, рукоятью к ремню. Пакля в банке, сурик, отвёртка. Струбцина в кармане фартука, к тетради.

Пар в комнате стоял до потолка, и лампа в нём стала жёлтым пятном. Под сапогами хлюпало. Половик у окна плавал, кот сидел на шкафу, поджав лапы, и смотрел в воду.

Я присела у порога и повела ладонью по полу к окну. Вода у порога тёплая, под батареей горячей, у плинтуса в углу такая, что пальцы сами поджались. По обоям вверх шла мокрая полоса. Обратка от батареи уходила вдоль стены к стояку, и на муфте у самого угла из резьбы била струйка, веером,

в половик.

— Только стояк не перекрывайте, — сказала Марта. — Мороз. До утра я тут околею, и кот со мной. Нельзя так, под давлением?

— Нельзя. Сорвёт резьбу, и будет вам кипяток до потолка.

Вентиль стояка торчал у пола, барашком вверх. Я обмотала его краем фартука и повернула до упора. Барашек обжёг через ткань.

Марта выругалась, длинно и со вкусом, про меня и про того, кто клал ей трубы. Лампа у неё в руке ходила ходуном, и свет плясал по стене.

— Лампу ровнее, — сказала я через плечо. — Ругаться можно и светя.

Свет встал. Ругань пошла тише, в нос.

Струбцину я вынула из кармана, развела губки винтом и посадила на обратку перед муфтой, у самого бурта. Довернула. Теперь трубу держало железо, там, где раньше держал бы мизинец, и при рывке ключом она не провернётся.

Ключ я достала из сумки. Рукоять у него я сточила сама, на круге, под три пальца: выемка под большой, выемка под указательный, под средний, а дальше рукоять кончалась гладким торцом. Безымянному там места не было.

Зев на муфту. Потянула. Ключ сорвался с граней и ободрал мне костяшки о стену.

Марта ахнула за спиной. Лампа не шелохнулась.

Я перехватила, большой в выемку до самого дна. Правый

сапог в стену, под подоконник. Потянула на себя всем телом, спиной.

Резьба стояла. Потом под ключом хрустнуло, ржавчиной, и муфта пошла, на полоборота, и встала опять.

Хватит и полоборота.

Из резьбы торчала старая пакля, чёрная, гнилая, в рыжих хлопьях. Я выковыряла её отвёрткой, клочьями, на мокрый пол. Сурик в банке загустел от мороза, и я размяла его пальцем, прежде чем мазать. Мазала по резьбе. Паклю мотала по ходу витков, туго, конец под палец, и сверху опять сурик.

Я потянула снова. Муфта пошла легче, потом туже, ещё туже. Под ключом подалось и село. Из-под края выдавился рыжий валик сурика.

Течь сошла на каплю. Капля набухла под муфтой, сорвалась в лужу. Следующей я ждала, подставив ладонь. Ладонь осталась сухая.

Я открыла стояк. Барашек опять через фартук, до упора.

В стояке заурчало. Потом в батарее ударило, раз, другой, железом по железу, как молотком изнутри, и стук пошёл по рёбрам к дальнему краю. Марта поставила лампу на подоконник и положила обе ладони на батарею. Подержала. Убрала и вытерла о куртку.

— Греет, — сказала она.

Встать я не стала. Села, где была, на мокрые доски, спиной к стене, рядом с лужей. Мокрое сразу прошло до кожи.

Лужа лежала от окна до порога. Текло в неё из угла, из

муфты, которую кто-то затянул на гнилую паклю.

Тетрадь я раскрыла на коленях, на чистой странице за пунктом четвёртым. Карандаш был в сумке.

Марта сняла лампу с подоконника и подержала надо мной, не спрашивая.

Я написала две строки, крупно, с нажимом, на клетку шире, чем надо.

«Кто привёз брикеты. Кто поставил узел».

Тетрадь я захлопнула. Ключ ушёл в сумку. Струбцину я свинтила с обратки и убрала в карман фартука.

Марта сходила к плите и поставила на мокрый пол передо мной кружку. В кружке был кипяток, пустой, без заварки.

— Чай кончился, — сказала она.

К полудню сурик так и сидел у меня под ногтями, рыжими серпами, и щёлоком не брался. С ними я и просидела с десяти у Лангфорд, при секретаре, над объяснением по пунктам. Секретарь смотрел на мои ногти дольше, чем в пункты. Костяшки на правой подсохли коркой.

Бернард стоял у верстака боком, подставив мне плечо. Новая рука держалась на четырёх болтах через накладку, и за неделю один болт отошёл: при подъёме клапан у плеча давал люфт на волос и щёлкал. Я ввела ключ под кожух и наживила гайку изнутри, вслепую, на ощупь.

— Стой смирно. Сейчас дотяну, и щёлкать перестанет.

Окуляры у него притушились.

В дверь стукнули, коротко, костяшкой, и она сразу откры-

лась. Из Тупика натянуло морозом по полу.

Капитан Рэй закрыл дверь спиной. Шинель в инее по плечам, под мышкой блокнот шифровальщика в клеёнке, толстый, прошитый шнуром.

— Госпожа консультант. С юга шифрогруппа. Одна, полная, сорок слов.

Ключ у меня соскочил с гайки и звякнул о кожух.

Я его нашла пальцами, надела обратно на грани. Головы не повернула.

— Читайте.

Рэй прошёл к верстаку, встал у торца, под лампой, и раскрыл блокнот на закладке. Читал он стоя, как читал бы Крассу рапорт.

— «Прибыл в Саррат. Комендант Дорн, служили рядом. Дело о демонтаже Гельвина забрал в Столицу Директорат за трое суток до меня».

Гайка пошла. Полоборота, ещё полоборота. Болт под кожухом перестал вилять и сел.

— «Магистраль у вокзала по реестру мертва. Под давлением. Четыре атмосферы».

Ключ я положила на верстак.

Мёртвую трубу, даже глухую, за сутки высасывают сальники и стыки, резьба вроде Мартиной. К утру в ней ноль. Если там стоит четыре, трубу кормят, насосом или с головы. Значит, кормят и завтра, и через месяц будут кормить, пока кто-то держит на той стороне задвижку.

— Четыре, — сказала я. — Так и стоит?

— Прописью, госпожа консультант.

— «Пропуск Вейса отмечен на вокзале, след обрывается».

И остановился. Палец у него лёг на следующую строку и остался на ней.

В печке осела зола. Бернард поднял окуляры на Рэя, потом на меня.

Правую я вытерла о фартук и протянула за листом.

Рэй смотрел в блокнот.

— Расшифровка остаётся в журнале, госпожа консультант. Читается вслух. Лист из журнала не выдаётся. Так положено.

Рука у меня висела над верстаком. Три пальца вперёд, безымянный и мизинец прямые.

Рэй положил блокнот на верстак. Прижал страницу ладонью у корешка, другой рукой взялся за край и потянул. Лист оторвался по сгибу, с тихим треском. В блокноте остался корешок с номером, узкий, в палец шириной.

Лист он вложил мне в пальцы.

Бумага тонкая, серая, строки карандашом, печатными буквами. Окно над верстаком заросло инеем до самой форточки, и свет от него шёл белый, плоский. Я подняла лист к лампе.

Сорок слов, все его. Последняя строка стояла отдельно, ниже остальных.

«Сейл здесь. Жарко».

Глава 4. Эрма

Машину комендатуры я поставил на обочине, носом в тень от водонапорной башни. Тени хватило на капот. Дорн дал её утром, без водителя, и два часа я вёл её правой. Левая лежала внизу обода. На каждой выбоине плечо под пальто отзывалось одним тупым толчком.

Мотор пощёлкивал, остывая. От радиатора несло горячей водой и ржавчиной.

Забор шёл вдоль дороги от самого поворота с большака: бетонные столбы, между ними сетка, поверху три нитки колючки. На колючке висело то, что нёс ветер. Клок овечьей шерсти, обрывок мешковины, газетный лист, выбеленный солнцем до серого. За сеткой лежала та же степь, что и с этой стороны, только без тропинок.

Эрма прижималась к забору с другой стороны дороги. Глинобитные дома в один этаж, плоские крыши, на крышах бочки. Двери завешены мешковиной от пыли. Пахло кизячным дымом и горячей глиной. Над крайними дворами стояла башня с баком, клёпаная, с рыжими потёками по швам, а под башней насосная, бетонная коробка с железной дверью.

Шагов за тридцать до двери запахло мокрым камнем. Порог насосной был тёмный, и тёмная полоса шла от него по земле, к стене. Другого мокрого запаха в Эрме я не нашёл.

Очередь стояла вдоль стены, в узкой тени под карнизом.

Женщины в платках, с вёдрами и коромыслами, двое стариков, мальчишка с бидоном. Вёдра стояли на земле цепочкой. Когда очередь шагала, каждый подвигал своё ногой.

На двери висела доска, по доске мелом: «Вода 6–8. 17–19».

Солнце стояло ещё высоко, но тень от башни уже легла на дорогу. Шестой час. За дверью гудело, низко, на одной ноте, и в этот гул проваливался стук каждого ведра о порог.

Я встал в конец. Из конца очереди слышно, о чём говорят в середине.

Передо мной стояла старуха с коромыслом на плече. На одном крюке ведро, второй крюк пустой. Она сняла ведро и, не оборачиваясь, сунула мне.

— Подержите.

Я взял правой. Ведро было мятое, на боку вмятина в кулак, по дну шов от пайки. На дне лежала тряпка, сложенная вчетверо, сырая с прошлого раза. Сквозь неё сочилось. Капля упала мне на сапог.

Старуха сняла коромысло и стала перевязывать на крюке верёвку, которая перетёрлась у петли. Узел она тянула зубами.

Впереди говорили две женщины, вполголоса, не поворачивая голов.

— …серебром, говорит, в конце месяца. Какой у них там конец месяца.

— У Сабуровых младшего тоже записали. Сказали, на ли-

нию, дальше.

— Дальше — это где?

Очередь шагнула. Я шагнул с ней и переставил ведро. Женщины замолчали. Та, что спрашивала, переставила своё ведро к стене и повернулась ко мне спиной. Вторая повернулась следом. Между нами остались два пустых шага, и никто их не занял.

— Столичный, — сказал кто-то впереди, в сторону.

Пальто на мне было серое от дороги до колен. В Эрме пальто, похоже, не носил никто.

Дверь насосной открылась, из неё плеснуло гулом. У стены, у самого косяка, торчал из бетона кран, латунный, с барашком. Мужчина в майке открыл его, подставил ведро первой женщины и закрыл барашок сам, когда вода дошла до края. Потом следующее. Майка на нём была мокрая до пояса, на ремне висел разводной ключ.

Кран открывал и закрывал только он.

Старуха всё возилась с узлом.

— Тамаль, — сказал я. — Где здесь живут Тамаль?

Сказал я громко. Гул из-за двери съедал всё, что говорилось тише.

Очередь не обернулась. Старуха так и замерла с верёвкой в зубах. Мужчина у крана выпрямился и посмотрел на меня поверх платков. Потом закрыл кран, хотя ведро под ним налилось на две трети, и встал в дверной проём, спиной к железу. Ключ на ремне качнулся и стукнул о косяк.

— Вода до семи, — сказал он. — Столичным после семи. И спрашивать тут не у кого.

— Мне нужен кто-нибудь из Тамалей.

— Из Тамалей. — Он сложил руки на груди. — От партии уже приезжали. Тоже по фамилиям.

Женщина с недолитым ведром взяла его за дужку и отступила к стене, не дожидаясь.

Я стоял. Ведро старухи висело у меня в правой.

За спиной мужчины в проёме гул вдруг сбился, осел на полтона и выправился. Внутри звякнул металл о бетон, потом шаги.

Мужчина посторонился на полплеча, не оборачиваясь.

На порог вышла женщина. Невысокая, плотная, в брезентовом фартуке, мокром от груди до подола. Рукава рубахи закатаны выше локтей, на предплечьях машинное масло. Волосы под платком, седые на висках. В правой руке гаечный ключ в локоть длиной, головкой вниз, и с головки капало.

Она вытерла лоб запястьем. Нашла меня глазами в конце очереди и смотрела, пока на ключе не собралась и не упала ещё одна капля.

— Лейтенант, — сказала она.

Старуха вынула верёвку изо рта.

Очередь повернулась ко мне. Женщины у стены, старики, мальчишка с бидоном, та, что стояла ко мне спиной. Платки, лица, вёдра в руках. Никто ничего не сказал.

Хозяин крана отступил от проёма на шаг, к крану, и опу-

стил руки.

Я протянул старухе ведро. Она взяла его обеими руками за дужку и прижала к животу, мокрым дном к юбке.

Женщина в фартуке толкнула плечом железную дверь и придержала её. Изнутри пахнуло холодной водой.

К вечеру воду раздали, и тот, в майке, запер кран на замок. Через дверь было слышно, как он гремит цепью.

Насос в насосной стоял один, на бетонной подушке посреди пола, крашенный зелёным, и краска на нём облезла до чугуна везде, где за него брались руками. Мотор и насос сидели на общей раме. Гул шёл от них в пол, и пол передавал его в табурет подо мной. Труба от насоса уходила вверх сквозь потолок, к баку. С её фланца в жестяную банку капало.

Свет давало окно под самым потолком, узкое, затянутое пылью снаружи, и лампочка в сетке над столом. У стены стояли стол и два табурета. Над столом на гвозде висел журнал в картонной обложке, к нему на бечёвке карандаш. На электрической плитке в углу стоял чайник, закопчённый до черноты. В полу у дальней стены была железная крышка люка, по шву забитая пылью.

— Нерис Тамаль, — сказала она, когда железная дверь за нами закрылась.

За стол она не села.

Она опустилась на колено у насоса, там, где вал уходил в корпус. Из-под нажимной гайки сальника сочилось и капало на бетон. Она посмотрела на капли и наложила ключ на

гайку.

— Я вас по голосу узнала, — сказала она. — Через дверь.

— Двенадцать лет.

— Голос тот же. Остального я тогда и не видела. Темно было.

Ключ пошёл на одну грань. Она подождала. Капли стали реже, и она убрала ключ.

— Вы тогда стреляли, — сказала она. — Мы сидим в штольне, вода по грудь, свет погас, и сверху стреляют. Потом слышим: ругается кто-то. Через воду, лейтенант, по трубам. Отец у меня был забойщик, всякого я наслушалась. Таких слов до той ночи не слыхала.

Она поднялась, опираясь ладонью о раму насоса, и вытерла ключ о фартук.

— Потом вы заслонку тянули. Руками. И орали, чтобы шли быстрее. Что мы ползём, как… — Она махнула ключом. — Как кто, повторять не буду. Мы и пошли.

Я положил ладони на стол. Стол был влажный, как всё здесь, и доска под пальцами была шершавая от соли.

Голос я тогда сорвал к утру. Это я помнил. Как ругался, не помнил ни слова.

Нерис открутила крышку банки с солидолом, набрала его на палец и стала мазать резьбу на шпильке у фланца. Гул шёл ровно.

— У меня в бумагах есть Тамаль, А., — сказал я. — Из Эрмы.

Палец остановился на резьбе.

Она вытерла руки о фартук, медленно, каждый палец отдельно. Подошла к стене, сняла с гвоздя рядом с журналом жестяную коробку из-под монпансье, с вмятой крышкой. Поставила на стол, открыла ногтем. Сверху лежали квитанции, под ними лист плотной бумаги, сложенный вдвое.

Его она развернула и положила передо мной.

Типографский бланк, графы заполнены от руки: «Восстановительная партия. Наёмный лист. Тамаль Ассар. Разнорабочий. Срок найма — до окончания работ». Снизу оттиск, круглый, лиловый: «Управление протектората». В середине круга номер. Рядом подпись конторщика, короткая, с хвостом под строку.

— Брат, — сказала Нерис.

Она стояла надо мной, руки в фартуке.

— Наняли. Увезли. Не вернули.

Насос за её спиной гудел. С фланца капнуло в банку.

— Когда?

— Две недели. Приехали на грузовике, записали у ворот, и в тот же день в кузов. Я ходила в управление. Там говорят: ушёл на заработки, дальше. — Она посмотрела на бланк. — Куда дальше, у них в бумаге не написано.

Лист был выписан на руки. Такие оставляют родне нарочно: печать на месте, бумага по форме, и спрашивать вроде бы не о чем. Номер в лиловом круге я запомнил.

Я протянул руку к листу.

Нерис положила на него ладонь. Ладонь была мокрая, и от её края по бумаге пошло тёмное пятно, к графе с фамилией.

— Нет.

Я убрал руку на край стола.

— Я покажу его в Саррате, — сказал я. — Кому следует.

— Кому? — Ладонь она не сняла. — Начнут за Ассара спрашивать столичные, и он живым не вернётся. Здесь так. Мне уже объяснили, у ворот.

Мокрое пятно дошло до лилового круга, и край оттиска поплыл.

Она подняла ладонь. Сложила бланк по старому сгибу, внутрь печатью, положила под квитанции и закрыла коробку. Крышка села не сразу, и Нерис пристукнула её кулаком. Коробку она повесила обратно на гвоздь, рядом с журналом.

Потом налила в чайник воды из ведра у двери, полный, и поставила на плитку. Плитка затрещала, и запахло палёной пылью.

— Ночью насос встаёт, — сказала она, не оборачиваясь от плитки. — Хотите знать, оставайтесь. Сами посмотрите.

Пальто я расстегнул снизу доверху. Снял, сперва с правой руки, потом с левой, медленно, и повесил на гвоздь у двери. Ворот рубашки остался застёгнут.

Нерис достала с полки две кружки и поставила возле чайника.

Чайник остыл к полуночи. Нерис долила его ещё раз, и второй раз он остыл к двум.

Она сидела на табурете у насоса, спиной к стене, с кружкой в обеих руках. Глаза закрыты. Когда менялся звук мотора, хоть на волос, веки у неё вздрагивали, и она их не открывала.

Я сидел на полу у люка, привалившись к стене. Бетон за ночь не остыл и не нагрелся, он был сырой и держал одну температуру, как погреб. Пальто висело на гвозде у двери. Часы я положил на стол под лампочку и откинул крышку.

Минутная стрелка ползла к восьмой черте.

Мотор гудел, и пол под ладонью гудел вместе с ним. С фланца в банку падало. Мотылёк бился в сетку лампочки, отлетал и бился снова.

Два сорок.

Гул оборвался разом, как обрезали. Вал провернулся ещё раз, по инерции, со скрипом в сальнике, и встал. В трубе над насосом заурчало, вода пошла вниз, к обратному клапану, и клапан захлопнулся с лязгом.

Тихо стало сразу во всей насосной. Даже мотылёк сел на сетку.

Нерис открыла глаза. С табурета она не встала.

Под полом стукнуло.

Глухо, через бетон, через землю, как стучат по рельсу далеко за станцией. Потом ещё раз. И ещё. Стук начался в ту же секунду, когда встал вал, я это слышал, без зазора.

Я встал на колено и взялся за кольцо на крышке люка.

— Не трогайте, — сказала Нерис.

Кольцо было ржавое, в чешуе.

— Линия партии, — сказала она. — Найдут люк открытым, отвечать будет смена. Я и отвечу.

Под полом стучало.

— Каждую ночь так, — сказала она и отпила из кружки. — Встал насос, пошёл стук. Ни разу наоборот.

Я потянул кольцо. Крышка пошла тяжело, на петле. Из щели под ней потянуло сыростью и землёй. Я откинул её к стене и придержал, чтобы не грохнула о бетон.

Нерис смотрела на крышку. Кружку она поставила на колено.

Внизу была яма в рост по пояс, обложенная кирпичом, и по дну ямы, поперёк, шла труба. Толстая, в мой обхват, чёрная от старой смолы. Ржавые хомуты. В свете лампочки на ней блестели капли.

Часы я взял со стола и положил на бетон у края люка, циферблатом к себе. Потом лёг на живот. Бетон через рубашку был сырой и холодный. Правую руку я опустил в яму и положил ладонь на трубу, сверху, на смолу.

Ударило в ладонь.

Под мокрой смолой труба толкнулась. Пауза в полвдоха. Толчок. Пауза. Толчок. Удар шёл по всей трубе и через ладонь уходил в кости, до локтя.

Пальцы у меня легли на трубу плотнее, сами. Я узнал этот такт раньше, чем понял, откуда.

Под него я шёл тогда вдоль трубы, к заслонке. Труба была

справа, и в неё так же било, и я шёл в шаг с ней, потому что…

Я считал.

— Раз, — сказал я в пол. — Два. Три.

Губы касались бетона. Нерис на табурете не шевелилась.

Минутная стрелка у моего лица переползла на черту и пошла к следующей. Удары шли один за другим, с той же паузой. Я считал до десяти и начинал снова, и на каждом десятке левая, лежавшая на бетоне, сгибала палец. Пальцы кончились. Я разогнул их и начал загибать опять.

Труба толкалась в ладонь. Пыль с края люка сыпалась вниз от каждого толчка, тонкой струйкой, и пропадала в темноте под трубой.

Стрелка дошла до сорок девятой минуты. Пятидесятой.

Ударило не в такт.

Раньше, чем должно было, тяжело, всей трубой сразу. Ладонь мне подбросило. Труба под ней дёрнулась вбок, на палец, и хомут на ней звякнул о кирпич. С края люка сорвался кусок засохшего раствора и стукнул внизу.

Счёт у меня сбился.

Клапан бьёт дробно, задвижка садится с визгом. Это был один удар, тяжёлый, мимо счёта. Прочитать его я не мог.

Я ждал следующего толчка. Его не было. Ладонь лежала на смоле, и смола под ней была неподвижная, мокрая, и всё.

Нерис поставила кружку на пол.

За стеной, далеко, у забора, залаяла собака и замолчала.

Два пятьдесят одна.

Щёлкнуло реле в железном ящике на стене. Мотор взвыл, сперва тонко, потом ниже, вал провернулся, и гул встал в пол, тот же, что до двух сорока. Труба над насосом дрогнула, по ней пошла вода вверх, к баку. Мотылёк снялся с сетки.

Нерис встала и сняла с гвоздя журнал. Раскрыла на закладке, лизнула карандаш.

Я поднялся на колено. Рубашка на животе была мокрая насквозь, в рыжих пятнах от бетона.

Нерис писала, прижав журнал к стене. Через её плечо я видел страницу: столбик строк, одна под другой, у каждой слева число, справа два времени. Все строки, какие помещались на странице, кончались одинаково.

Она дописала внизу: «2:51».

Крышку люка я поднял от стены и опустил на место без стука. Кольцо легло в своё гнездо.

Ладони с крышки я не убрал.

Глава 5. Клеймо

Машину я загнал в ложбину за грядой, чтобы с линии её не было видно, и заглушил. В радиаторе ещё долго постукивало. Солнце поднялось над краем степи на ладонь, а руль под ладонью уже нагрелся.

Рубашка на мне была свежая. Ту, с рыжими пятнами от бетона насосной, я оставил в комнате на спинке кровати. Пятна не отстирались.

Под сиденьем стоял ящик с инструментом. Ключи, ветошь, моток вязальной проволоки, жестяная фляжка керосина для свечей и коробок спичек. Фляжку, спички и проволоку я рассовал по карманам пальто. Нож у меня был свой.

Будка стояла наверху гряды, у самой магистрали. Бетон, в мой рост с половиной, окон нет, крыша плоская, по краю ржавый козырёк. Столбы шли мимо неё на юго-восток, к Гельвину, и на каждом блестел новый провод. С ближнего столба по стене будки спускалась трубка ввода и ныряла под козырёк.

Секторная станция четвёртой линии. По листку Лангфорд она умерла одиннадцать лет назад, вместе со всей магистралью.

На двери висел амбарный замок. Дужка в смазке, ржавчины на ней не было. Через проушины петли шёл шнур, а на шнуре сидела пломба, белая. Перед порогом лежала пыль

без единого следа, ветер наметал её, похоже, не первый день.

К двери я подходить не стал. Пыль у порога первому же, кто придёт, показала бы мои сапоги.

Я пошёл вкруг будки, по камням.

Двенадцать лет назад я стоял у такой будки с винтовкой, а кабельщик лез внутрь с тыла. Дверь была для инженера, ключ от неё висел у дежурного по линии. Кабельщику оставляли лаз ввода, у самой земли, под жестью, чтобы он не бегал за ключом через весь пост.

Жесть с тыла была на месте. Лист в два локтя, крашенный тем же серым, что стена, на четырёх болтах по углам. Краска на гайках потрескалась, и в трещинах рыжело. Этим лазом давно не ходили. Хозяева замка ходили через дверь.

Я присел и положил левую на колено.

Первая гайка не шла. Я обвёл ножом краску по граням, и краска отлетела чешуйками. Взял гайку пальцами, пальцы соскользнули. Тогда я поставил остриё в угол грани и стукнул по рукояти ладонью. Гайка дрогнула. Дальше она пошла пальцами, со скрипом, по ржавой резьбе.

Вторая отошла легче. На третьей нож сорвался с грани и прочертил по краске светлую полосу, до металла. Затереть её было нечем. Последнюю я крутил, пока не заныли подушечки.

Гайки я сложил на плоский камень, рядком, чтобы не искать потом в пыли. Жесть снял правой и прислонил к стене.

Из дыры потянуло прохладой. Лаз был низкий, квадрат-

ный, в локоть. Внутрь уходил короб ввода, и кабель в коробе лежал новый, в чёрной оплётке.

Лез я правым плечом вперёд, левую прижал к боку. Край бетона прошёл по рёбрам. Когда я перевалился через порог лаза на ладони, плечо всё равно отозвалось, тупо, до лопатки. Я сел на пол и подождал, пока отпустит.

Свет из лаза лежал полосой по полу, до середины. Дальше было темно.

Пахло смазкой. Густой, свежей, как в мастерской, когда утром вскрывают банку. Снаружи, на всю степь, пахло полынью и пылью, а здесь пахло только этим.

Я чиркнул спичкой.

Посередине будки из пола выходила труба, в мой обхват, и уходила в пол у дальней стены. На трубе сидели два отсекателя, один за другим по ходу. Корпуса крашены серо-зелёным, над каждым рычажный привод на штоках. Штоки блестели. Я провёл пальцем по ближнему. На пальце осталось масло, жёлтое и чистое, без единой пылинки.

На стене висел железный ящик, и к нему шёл кабель от ввода. Пол был подметён. В углу стояла банка солидола с неплотно прикрытой крышкой.

Огонь дошёл до пальцев. Я дотерпел, пока он не лизнул ноготь, и тряхнул спичку. Стало темно.

Ладонь я положил на корпус ближнего отсекателя. Металл был прохладный. Под ладонью щёлкнуло. Тишина. Щёлкнуло снова. Реле в ящике на стене отбивало без сбоя, и корпус

под рукой отвечал ему, тонко, с запозданием на волос.

Считать я не стал. Ладонь держал.

Потом достал вторую спичку, присел на корточки перед отсекателем и поднёс огонь к его боку, к серо-зелёной краске.

Краска на боку отсекателя лежала гладко, а у фланца шла мелкими буграми. Я повёл по ним подушечкой. Палец зацепился за край, сорвался в ложбину, зацепился за следующий. Под краской было выбито.

Спичка погасла. Палец я с бугров не убрал.

Фляжку я отвинтил на ощупь, пробку держал зубами. Платок прижал к горлышку и опрокинул, пока холод не прошёл сквозь ткань в ладонь. Керосин перебил запах смазки. Я тёр вслепую, от угла к углу, и краска под платком сперва скользила, потом поползла и стала вязкой.

Я зажёг ещё одну.

Под огнём вышла рамка. Бортик в волос, четыре угла, и внутри знаки, выбитые одним ударом, с краями, завёрнутыми внутрь. Такой же ряд в такой же рамке я смывал керосином на складе за путями, в третьем пролёте, и с крыши тогда капало на угол ящика.

Ниже рамки шёл номер. Его выбили глубже, и краска сидела в каждой цифре до дна. Номер я трогать не стал.

Второй отсекатель я потёр у фланца, на ладонь. Рамка была и там.

Платок пах керосином насквозь. Я вытер о него пальцы.

Сверху у отсекателя сидела крышка, прижатая двумя скобами. Через ушки скоб шёл шнур, концы его были сведены в пломбу. Белый сургуч, чистый, без пыли, с оттиском посередине. Оттиск в огне не читался, его затянуло тенью. На ощупь сургуч был сухой и твёрдый, как камешек.

Запасную пластину к таким отсекателям держали под крышкой. Кабельщик при мне менял её на ощупь, в темноте, пока я светил ему через лаз фонарём: две скобы долой, крышку в сторону, пластину из зажима. Лезть за запасом на склад поста, когда линия встала, было некогда.

Пломба висела на шнуре. Снять её чисто нельзя. Поставивший её узнает, что крышку открывали, в первый же обход. Я прикинул, что мне дороже: пластина на верстаке в Ривенхольде или мой след на этих скобах. Вышло, что пластина.

Я взял пломбу в кулак и дёрнул. Шнур лопнул у самого сургуча. Сургуч в кулаке раскололся. Один кусок остался у меня в ладони, второй стукнул о бетон и укатился под трубу.

Скобы отошли туго, с хрустом засохшей смазки. Крышку я снял правой и поставил на пол, на ребро.

На изнанке крышки, в пружинном зажиме, сидела пластина. Латунная, в ладонь длиной, с пазом через всю длину, на толстом резьбовом хвостовике. Я отжал зажим ногтем, и пластина легла мне в руку. Тяжелее, чем с виду. Холодная.

Спичка догорала. Я зажёг новую от неё.

Блокнот у меня штабной, по краю обложки линейка: дюй-

мы с одной стороны, миллиметры с другой. Я приложил край к хвостовику, вдоль резьбы, и повёл ногтем с нитки на нитку от нулевой черты.

Восемь. Восьмая нитка легла на дюймовую черту.

На линии при мне резьбу резали крупно, чтобы шла в песке и в жару и не закусывала. Восемь на дюйм. Я посмотрел на миллиметровую сторону: двадцать пять с небольшим, и на них те же восемь ниток.

Пластину я завернул в сухой угол платка, а мокрый, керосиновый, подвернул наружу. Свёрток положил во внутренний карман пальто, к мандату. Кусок пломбы ушёл в боковой.

Крышка встала на место. Скобы я защёлкнул. Из кармана вынул проволоку, отломил кусок в локоть, продел через ушки обеих скоб и скрутил концы вправо, туго, конец загнул под скрутку, чтобы не цеплял рукав. На линии крышки так закрывали, когда пломбы под рукой не было и уходить было надо.

Проволока осталась на виду, светлая на серо-зелёном.

Я положил ладонь на корпус. Под ней щёлкнуло, тем же ходом.

Назад я лез тем же порядком, правым плечом. Снаружи солнце било в глаза после темноты, и я постоял у стены, пока не стал видеть камни. Жесть я поднял правой и посадил на болты. Гайки наживил пальцами, по одной, и довёл ножом, сколько он брал. На третьей краска треснула снова, по той

полосе, что я прочертил, когда снимал.

Пыль у двери лежала нетронутая. Замок висел.

К машине в ложбине я шёл по камням, правую держал на кармане. Под ладонью через сукно прощупывался угол пластины.

Почта Саррата стояла на вокзальной улице, одноэтажная, под железным навесом. В тени навеса спала собака. Через неё перешагивали.

Внутри под потолком ходил вентилятор, и от него по стойке шевелились уголки бланков. Пахло клеем и горячим сургучом. На краю стойки у окошка горела спиртовка, над ней на проволочной подставке стояла ложка с бурым варевом.

Очередь была до двери. Солдат с пакетом, женщина с узлом, старик, который всё перекладывал из руки в руку квитанцию. Я встал за стариком. Пальто снимать не стал. Под ним, во внутреннем кармане, лежал свёрток в платке, и керосином от него тянуло даже сквозь сукно.

Служащий в окошке был в чёрных нарукавниках, карандаш за ухом. Когда дошла очередь, он поднял на меня глаза и опустил на мои руки, на тёмную кайму у ногтей.

— Ящик, — сказал я. — Стружку. Бланк описи и декларацию.

Ящик он снял с полки, сосновый, гвоздики в бумажном фунтике. Стружку насыпал из мешка совком, с горкой, и пододвинул ко мне вместе с бланками.

Конторка стояла у стены, под расписанием вагонов. Чер-

нильница была прикована к ней цепочкой. Я сел, вынул свёрток и развернул платок на конторке, сухой стороной вверх. Пластина легла пазом ко мне.

Опись я писал её знаками.

Ими она писала замеры на краю верстака, при мне, и тетради не прятала. Читать их я выучился в лавке. Писать ими мне ещё не приходилось.

«Пластина тактовая, одна». Резьбу я записал её способом, цифрой и знаком дюйма, и «восемь на дюйм» уместилось в короткую строку. Откуда — сокращением, с точкой, как она пишет адрес ветки: секторная станция четвёртой линии. Ниже, отступив строку, теми же знаками: сравнить с узлом со склада.

На восьмёрке перо поймало волос с бумаги и посадило кляксу. Восьмёрка ушла под неё вся.

Я взял чистый бланк и написал опись заново, с первой строки. Испорченный сложил вчетверо и убрал в карман.

С декларацией я вернулся к окошку. Служащий взял её, повёл карандашом по графам.

— Содержимое. — Карандаш остановился. — Пусто.

— Прибор.

— Графу заполнять полностью. И предупреждаю: детали военного образца из протектората почтой не принимаем. Ни деталей, ни частей. Приказ управления.

Он придвинул декларацию обратно ко мне и положил на неё свой карандаш.

Я обмакнул перо в его чернильницу, на стойке. «Измерительный прибор». Отдал.

— Покажите.

Я развернул платок на стойке. Служащий взял пластину за край, повертел под лампой. Понюхал, поморщился. Поднёс хвостовик к глазам и повёл по резьбе ногтем, нитка за ниткой, как я утром. Потом взвесил пластину на ладони и положил обратно в платок.

— Латунь, — сказал он. — На весы.

Я положил пластину на чашку. Он двигал гирьки пинцетом, пока стрелка не встала, и записал вес в декларацию.

Пластину я вернул в платок и опустил в стружку, на середину ящика. Опись положил сверху, текстом вниз. Служащий подал мне молоток на цепочке. Гвоздики шли в сосну легко. Последний я добил так, что шляпка ушла в дерево.

Бумагу служащий отмотал с рулона сам. Я завернул ящик и подогнул углы внутрь, без складок. Шпагат пустил вдоль, потом поперёк, и стянул узел на крышке. Конец обрезал ножницами, тоже на цепочке.

Адрес я написал крупно, на верхней стороне. Ривенхольд. Тупик Медных Игл. А. Вандерхольт.

Служащий прочёл адрес, не трогая ящика.

— Ривенхольд, — сказал он. — Шесть суток. Сургуч свой или казённый?

— Казённый. Печать своя.

Он снял ложку со спиртовки и подал мне за ручку, об-

мотанную тряпкой. Бурое варево тянулось с края ниткой. Я налил на узел шпагата лужицу в пятак и подождал, пока по краю не потускнело.

Печатку я вынул из нагрудного кармана, из-под мандата, на шнурке. Медь была тёплая. Я вдавил её в сургуч и подержал. Когда отнял, в буром стоял оттиск комиссии, чёткий, до последней буквы по ободу.

Служащий взял декларацию и стукнул по ней штампом. Фиолетовая рамка, внутри одно слово: «Прибор».

Он поднял ящик обеими руками, сургучом вверх, и отнёс к мешку у стены. Мешок висел на крюке, раскрытый, с биркой на горловине: «Южная линия. Север». Ящик ушёл туда целиком. Служащий потянул шнур, и горловина сошлась над ним.

Печатку я убрал в нагрудный карман, к мандату, и застегнул карман на пуговицу.

Снаружи стояла жара. Собака под навесом перевернулась на другой бок. Машина стояла у тротуара. Сиденье за это время накалилось и обожгло сквозь брюки.

Назад я ехал с солнцем в затылок. Тень от машины бежала впереди по большаку, всё длиннее, и к гряде вытянулась вдвое против самой машины.

Утреннюю ложбину я проехал. Встал за следующей, в полукилометре, и заглушил мотор.

Стало слышно степь. Сверчок под колесом. И далеко, низом, по самой земле, гудел другой мотор, натужно, на подъ-

ёме. Я сидел и слушал, пока гул не ушёл за гряду и не кончился. Я решил, что это грузовик партии на большаке.

До будки я шёл пешком, по камням, солнце за спиной. Небо над краем степи стало рыжим от пыли, жара уходила в землю, и от камней поднималось тепло, в лицо, как от остывающей плиты.

Замок на двери висел, как утром. Пломба на петле, шнур в проушинах. Пыль у порога ветер за день пригладил ещё раз.

Я обошёл будку с тыла.

Жесть была на месте, на всех четырёх гайках. Утром на третьей гайке осталась одна моя полоса, светлая, до металла. Теперь светлым блестели все четыре, по граням, кругом, сплошным пояском. Ключ садится на грани плотно и сдирает краску именно так, весь поясок разом. Нож так не берёт.

Гайки пошли пальцами, легко. Резьбу за день разогнали.

Жесть я отставил к стене и лёг на бок перед лазом. Изнутри потянуло смазкой и ещё чем-то сладким, горелым. Днём на почте у спиртовки пахло тем же.

Внутрь я пролез правым плечом и зажёг спичку.

На скобах отсекателя моей проволоки не было. Я посветил под трубу и вдоль стены. На полу проволоки тоже не было, и не было второго куска утренней пломбы, который укатился под трубу.

Через ушки скоб шёл новый шнур. На шнуре сидела пломба. Белая, без единой пылинки, и оттиск на ней стоял чёткий, до мелкой цифры по ободу. Личное клеймо. Внутри круга

знак, по кругу номер.

Мою проволоку сняли и закрыли крышку заново в тот же день, своим клеймом. Так пломбируют свою линию, которую обходят сами, и чужой проволоки на ней до вечера не оставляют.

Я раскрыл блокнот на колене и переписал номер. Спичка догорела на середине. Последние цифры я дописал при следующей, сверяя каждую дважды.

Потом поднёс огонь к самому сургучу. Кромка у пломбы блестела, как блестит капля, пока не схватилась.

Я вдавил в неё ноготь большого пальца.

Сургуч подался. Ноготь вошёл в него, как в воск только что задутой свечи, и встал. Утренний раскололся у меня в кулаке.

Спичка погасла. Ноготь я не отнимал.

Свет теперь шёл только из лаза, низкий, рыжий. Через лаз был виден склон гряды, а внизу линейная дорога вдоль столбов. Над ней к западу стояла пыль. Длинная полоса, красная на закате, выше столбов. Ветра не было, и полоса не уходила. Она садилась на дорогу сама, медленно, сверху вниз.

Я отнял ноготь от пломбы.

Под ногтем остался белый сургуч. Мягкий.

Глава 6. Вскрытая посылка

Ящик я несла с почтамта под мышкой, через весь Тупик, и на верстаке он сразу запотел. По обёрточной бумаге поползли тёмные пятна, и от неё запахло мокрым картоном.

Пальцы правой не разгибались. Я подержала их над печкой, пока в подушечках не закололо, и достала нож.

Шпагат шёл крест-накрест, с узлом посередине крышки. Я подсунула лезвие под нитку у самого края, подальше от узла, и рванула на себя. Нитка лопнула со щелчком, вторая так же. Бумагу я содрала одним куском и отпихнула к краю верстака, к стене.

Крышка сидела на гвоздиках. Отвёртку я завела под угол и нажала. Гвоздик вылез сразу, с тонким писком. Второй, третий. Все выходили с первого нажима, как из масла. Сосна, что с неё взять.

Крышку я отогнула рукой, и мастерскую затопило керосином.

Сосновой стружкой тоже пахло, но керосин лез поверх всего, в нос, в глаза. У двери подвала Бернард повернул окуляры к верстаку.

Поверх стружки лежал лист, исписанный, текстом вниз. Под ним платок, свёрнутый тугим конвертом, и керосином несло от платка.

Я перевернула лист.

Писал он моими знаками. Ими я пишу замеры на краю верстака, для себя и для поверителя: значок резьбы, двойной штрих дюйма, сокращение ветки с точкой. Выходит, всё это время он читал у меня через плечо и запоминал.

«Пластина тактовая, одна». Восемь, значок резьбы, двойной штрих. Откуда: секторная станция четвёртой линии, сокращением, как я пишу адрес ветки. Ниже, через строку: «сравнить с узлом со склада».

Восьмёрка вышла у него в два кольца, нижнее больше верхнего, и обведена дважды. Ученик на прописи, разве что язык не высунул. Учительница из меня, похоже, строгая.

Платок я развернула на верстаке. В складках сидели катышки серо-зелёной краски, мокрые, раскисшие от керосина. Такой цвет я счищала губкой штангенциркуля с площадки чужого узла, полосой в палец.

Пластина лежала в середине платка, пазом вверх. Латунь, в ладонь длиной. Паз шёл через всю длину, и в нём держалась смазка, жёлтая, с пылью. Пыль была рыжая, мелкая, как толчёный кирпич. У нас в городе пыль серая, от угля.

От двери подвала загудело.

Бернард съехал от двери. Компрессор набивал контур, трубка вдоль корпуса вытянулась в струну. Новая рука пошла вверх, противовес качнулся за осью, и крючок поплыл над верстаком к пластине. Шарф на стыке клапана сполз на один виток и повис.

— Нет, — сказала я.

Крючок шёл.

Пластину я схватила и убрала за спину. Крючок дошёл до платка и встал над пустым местом, над мокрыми катышками. Под тарелкой у Бернарда стучало, мелко и часто. Тот же стук я слышала на складе, в третьем пролёте.

— Это мне прислали, — сказала я. — Тебе он даже не написал.

Окуляры не мигнули. Крючок висел.

Левой я вытащила из кармана фартука струбцину и посадила её на край верстака, винтом вниз. Развела губки. Пластину вставила хвостовиком наружу, через тряпку, чтобы не помять латунь, и довернула винт. Теперь она стояла, и гудеть на неё можно было сколько угодно. Крючок опустился на два пальца, в стружку, и там остался.

Лупу я надвинула на глаз.

Паз был тактовый, с уступом посередине. Фаски по его краям снял напильник, широко и грубо. Корпус свои фаски снимает фрезой, в волос, и на свет они блестят ниткой. Здесь блестела полоса.

Хвостовик был ввёрнут в латунь до упора. Сталь серая, тусклая, и на гранях у ключа она не посветлела. Я стукнула по латуни костяшкой, и латунь звякнула. Стукнула по хвостовику. Звук вышел короткий и глухой и кончился, едва я отняла руку.

Штангенциркуль висел на гвозде над верстаком. Я сняла его. Большой на рамку, указательный на колёсико, средний

снизу, под штангу. Безымянный и мизинец остались торчать.

Губки я посадила на виток. Они съехали. Резьба крупная, впадины глубокие, и в каждой та же рыжая пыль со смазкой, скользкая, как мыло. Посадила снова, и губки опять ушли вбок, на соседнюю нитку.

— Ну хватит, — сказала я резьбе. — Ты у меня не на базаре.

Мизинец бы сейчас прижал штангу к детали. Он не прижал. Я упёрла штангу в щёку струбцины, железо в железо, и инструмент лёг. Раскрыла на дюйм. Колёсико под указательным шло туго, с хрустом пыли.

Ногтем от первой нитки. Вторая, третья. На пятой ноготь скользнул по смазке, и я начала снова. До восьмой. Губка села во впадину без зазора.

— Восемь на дюйм, — сказала я.

Бернард загудел ниже.

Тетрадь, куда я записала ту цифру на складе, уехала в ящике с писарем Сейла, вместе со второй. Цифру я и так помнила. Я тогда сказала её вслух, над ящиком, а инженер комиссии записал в протокол осмотра, снял перчатку зубами и пересчитал голым пальцем. Восемь. У Офелии одиннадцать. У корпуса одиннадцать. Весь город сидит на одиннадцати.

Новая тетрадь лежала в кармане фартука. Я раскрыла её на чистой странице и написала столбиком, крупно: «Склад, узел — 8. Юг, пластина — 8. Город — 11». Грифель про-

ткнул бумагу на последней единице.

Карандашом я постучала по его восьмёрке, той, что в два кольца. Постучала ещё раз. Потом положила лист на верстак и под его последней строкой вывела правой, с нажимом, на две строки:

«совпадает. не городская».

Буквы вышли пьяные, вкось. Хват у меня теперь такой.

Карандаш я положила на верстак. Стружка шуршала: Бернард вынимал из неё крючок, медленно, по волосу.

Обёрточная бумага лежала у стены, смятая углом. На обратный ящик её хватит, если сложить по старым сгибам. Я потянулась за ней.

Сложить её сразу не вышло. Бумага подсохла у печки и пошла волной, и пока я переписывала замеры набело, пока заворачивала пластину в чистую тряпку и загоняла Бернарда обратно к подвалу, она пролежала на краю верстака ещё час. Когда я её развернула, она хрустела.

Узел шпагата так и сидел посередине, где был на крышке. Два обрезанных хвоста торчали из него в стороны. На узле лежал сургуч, бурый, казённый, лужицей в пятак, и в нём оттиск комиссии. Ободок, буквы по кругу. Тот же оттиск стоит на листах у Лангфорд.

Поверх бурого лежал белый.

Лепёшкой, чуть меньше нижнего, край в край по центру. Аккуратно. Мне так не положить, даже когда пальцы были все.

Я надвинула лупу. В белом тоже стоял оттиск, круг и что-то внутри круга. Край его смазало: печатку отняли, пока сургуч не схватился, и она поехала вбок. Я повертела бумагу к окну, к лампе, снова к окну. Букв не было. Ни одной.

Ногтем большого я поддела край белого.

Он подался. Я потянула, и за ногтем пошла нитка, тонкая, блестящая, на полпальца, и только потом оборвалась. Ириска какая-то, с казённой печатью. На конце нитки осталась бусина и медленно легла обратно.

Под поддетым краем было видно бурое. Бурый сургуч по оттиску рассекала черта, прямая, ножом. Половинки кто-то свёл обратно, встык, и придавил белым сверху, чтобы держались.

Бумагу я положила. Взяла снова.

Тыльной стороной пальцев я тронула белый. Он поддавался под кожей, как подтаявший воск, и был теплее бумаги. Тронула бурый у разреза. Твёрдый. Под костяшкой от края отскочила крошка и покатилась по бумаге.

Я поднесла узел к носу. Бурый не пах ничем. Белый пах канифолью и ещё сладким, приторным, как пахнет на почтамте у спиртовки.

Бумагу я взяла с собой и пошла в подвал.

Счётчик висел справа от лестницы, на уровне третьей ступеньки. Проволока через головки винтов, через спицу маховика на кране обвода, скрутка, и на скрутке сургуч Сейла, белый, толстый, в палец. Стекло я протёрла рукавом. Бара-

баны крутились, им до пломбы дела нет.

Лампу я поставила на ступеньку и поднесла бумагу к пломбе, узел к скрутке.

Белый к белому. Цвет один, молочный, с синевой у края. Блеск один, жирный, как на сале. Я поворачивала бумагу, и блик ходил по обоим одинаково.

Ноготь я поставила на пломбу Сейла, рядом с оттиском, на самый край. Сломать её мне хотелось с того дня, как он её здесь посадил. Я нажала, пока ноготь не побелел.

Пломба не подалась. Ноготь съехал по ней, как по кости, и следа не оставил. И не раскрошилась, ни крупинки. Тот же сургуч, только этот простоял здесь два месяца и схватился насквозь.

Я вдавила тот же ноготь в белое на узле. Ноготь ушёл в него до половины.

Наверху, у двери подвала, щёлкнуло: Бернард переступил катком.

Шесть суток в мешке, в почтовом вагоне, на морозе. Сургуч за это время встал бы колом, как у Сейла на скрутке. Этот тянулся ниткой. Его грели здесь, в городе. Вчера вечером, когда пошло извещение, или утром, до окошка, пока я шла через мороз с пустыми руками.

Наверх я поднималась медленно, придерживая бумагу за угол, чтобы узел не стукнулся о стену.

Крышку ящика я перевернула. Вокруг каждой дырки от гвоздика дерево было примято полукругом, свежо, светлее

остального. Под шляпки заводили клещи. Утром гвоздики шли с первого нажима, и я ещё похвалила сосну.

Его опись лежала на верстаке, под моей пьяной строкой. Я взяла её и прочла сначала. «Пластина тактовая, одна». Резьба, восемь. Станция, сокращением, как адрес ветки. Последняя строка, про склад. Каждое слово я теперь читала второй. Кто-то держал этот лист раньше меня, у себя на столе, под лампой, и разбирал мои знаки.

Лист я сложила пополам. Выровняла углы, провела по сгибу ногтем. Сложила ещё раз, вчетверо, опять выровняла, опять ногтем, два раза, пока сгиб не стал острым, как лезвие. Убрала в тетрадь, под обложку.

Из тетради я вырвала чистый лист, по линейке, и написала правой, крупно:

«Посылку вскрывали. Здесь. Сургуч белый, свежий. Пластина цела. Совпадает».

Карандаш висел над следующей строкой. Девять слов из сорока, клетки до конца листа пустые. Просилось вписать резьбу, и станцию, и фамилию того, кто грел белый. Фамилии у меня не было. Остальное кто-то уже прочёл.

Больше я не написала.

Чистую тряпку я сняла с крючка над верстаком и положила на неё обёрточную бумагу, узлом вверх. Завернула конвертом, как он заворачивал пластину, углы внутрь. Свёрток лёг в карман фартука, к струбцине. Листок я сложила и сунула туда же, к тетради.

Пальто висело на гвозде у двери. Я сняла его.

Листок я оставила в шифровальной гарнизона, дежурному, для капитана Рэя, сложенный пополам. Дежурный убрал его в журнал, не разворачивая, и записал время. На почтамт я пришла к полудню, и в кармане фартука остался один свёрток.

Внутри стояла очередь, от окошка выдачи до самой двери, и дверь не закрывалась: её подпирал чей-то сапог. Пахло мокрыми пальто, на которых оттаивал иней, и горячим сургучом. На стойке у окошка приёма коптила спиртовка, и над ней в ложке пузырилось бурое. Утром этот запах был тот же. Глупо: я стояла в нём с ящиком в руках и не учуяла.

Я встала за женщиной с корзиной. В корзине под тряпкой кто-то шевелился и скрёб.

Утром я стояла здесь же, у этого окошка. Пальцы с мороза не гнулись, ящик был холодный, и мне сунули книгу, ручкой ко мне: «Распишитесь». Я расписалась, где показали. Строку не читала. Мне хватило слова «Саррат».

Очередь шла медленно. Человек в окошке выдачи был тот же, что утром: лысина под зелёным козырьком, сатиновые нарукавники, и он всё время шмыгал носом. Книга лежала перед ним, раскрытая, толстая, в коленкоре, и от её корешка к краю конторки шла цепочка, как у чернильницы. Чтобы не унесли. Кому она нужна.

Женщина с корзиной получила свою бандероль и ушла, и корзина пискнула у двери.

Я положила на конторку свёрток и развернула тряпку. Обёрточная бумага, узел шпагата, два сургуча один на другом.

— Посылку вскрывали, — сказала я. — Мою. Утром выдали.

Чиновник наклонился над узлом. Шмыгнул. Белое он разглядывал недолго, бурое не разглядывал вовсе.

— Досматривали, сударыня. С юга приборы досматривает Поверочная палата. Положено так.

— Кем положено?

— Распоряжением. — Он ткнул пальцем в стену у себя за плечом, где висел лист под стеклом, мелким шрифтом. — Досмотр законный. Печать восстановлена, видите, всё целое. Следующий.

За моей спиной вздохнули. Длинно, через нос. Потом ещё кто-то, подальше.

Свёрток я с конторки не убрала.

— Книгу выдачи покажите. Там моя подпись.

— Книга служебная.

— Я в ней сегодня расписалась. Утром. Выходит, я тоже немного служебная. — Я подвинулась к окошку. — Штамп у вас есть, я видела. Шлёпните мне на лоб «досмотрено», и я пойду.

Сзади кто-то хмыкнул. Вздыхать перестали.

Книга лежала ко мне вверх ногами, и я нашла свою строку не читая, по подписи. Крупная, с нажимом, вкось, на две

графы. Такую в этой книге больше никто не напишет. Я просунула руку в окошко и положила указательный на подпись. Поверх.

Чиновник посмотрел на мой палец. На безымянный и мизинец, которые торчали рядом прямо, как не мои.

— Сударыня.

Палец я не убрала.

— Барышня, у меня поезд, — сказали сзади.

Чиновник шмыгнул. Взял книгу за край обеими руками и повернул ко мне. Цепочка проехала по конторке и звякнула о железный угол окошка. Палец мой поехал вместе со страницей и так и остался на подписи.

Строку я прочла теперь всю, слева направо.

Номер. «Саррат». «Измерительный прибор». Вес, до грамма. Прибыло: вчерашнее число, вечер. Выдано: сегодня. Получила: моя подпись.

Я убрала палец и повела им дальше, до последней графы. Над графой было напечатано: «Досмотр».

Там стояло чернилами, чисто, без единой кляксы:

«Поверочная палата, поверитель О. Бранк».

Глава 7. Пост Кадир

Дежурный стукнул ко мне в дверь, когда часы в коридоре били полдень. Пальто я снял с гвоздя и понёс на руке: в нагрудном кармане у него лежал мандат. Коридор шёл по солнечной стороне, и через стёкла пекло в плечо.

Шифровальная была в самом конце офицерского крыла, за обитой жестью дверью, и окно в ней закрывала ставня на болтах. Свет шёл от лампы под зелёным колпаком. За дощатой переборкой стучал аппарат, короткими очередями, и после каждой очереди что-то там позванивало, как ложка в стакане. Пахло горячей бумагой и машинным маслом.

Шифровальщик, сержант с бритой головой, сидел за столом в одной нательной рубахе. На шее у него лежал мокрый платок. Он поднял на меня глаза, привстал и сел обратно.

— Господин уполномоченный. Из Ривенхольда. Распишитесь в получении.

Бланк он положил передо мной, текстом вверх. Серая бумага, типографская шапка: «Комендатура Саррата. Шифровальное отделение. Входящая». Откуда — «Ривенхольд, гарнизон». Кому — «Уполн. комиссии». Ниже строка, карандашом, печатными буквами сержанта.

«Посылку вскрывали. Здесь. Сургуч белый, свежий. Пластина цела. Совпадает».

Больше на бланке ничего не было. Подписи тоже. Группа

берёт сорок слов, а здесь не набралось и на строку.

Я прочёл ещё раз, с начала.

«Здесь» — это у неё. В Ривенхольде, после шести суток в почтовом мешке. Я заливал узел бурым, казённым, и давил печатку комиссии до последней буквы по ободу. Белый лёг поверх, и лёг свежим, уже в городе. «Совпадает» — это восемь ниток на дюйм против её склада. Пластину не тронули.

Опись лежала в ящике поверх стружки, текстом вниз. Её знаками.

Сержант раскрыл журнал входящих, прошитый шнуром, и развернул ко мне. Ручку он подал пером вперёд. Перо было ржавое у самого кончика.

Номер, время, откуда, кому. В графе «получил» пусто, ждёт меня. Рядом была ещё одна графа, узкая, с краю страницы. Над ней напечатано: «Копия». В графе стояло чернилами: «Коменданту». Против всех строк на странице, сверху донизу, стояло то же слово.

Я расписался. Перо царапнуло на хвосте фамилии.

— Копию не делайте.

— Сделана, господин уполномоченный. — Сержант приподнял бланк за угол. Под ним лежал второй, через копирку, бледный, буквы в нём поплыли синим. — Комендант читает всё входящее. Приказ.

— Чей?

— Коменданта.

Он положил бланк обратно на копию, край в край. Копию

он убрал в серую папку с тесёмками. Папка ушла на полку за его спиной, в ряд к другим таким же.

Аппарат за переборкой замолчал. Позвякивание стало слышнее, потом стихло и оно.

Я сосчитал, сколько рук держали эту строку до моих. Рэй у себя в гарнизоне, над шифром. Телеграфист на ключе, там, и здешний, за переборкой. Сержант с платком на шее. Копия в папке, для Дорна. Пятеро. И ещё один там, у неё, — тот, кто грел белый сургуч. Её «здесь» было про него.

Его она не называла. Значит, сама не знала.

В стопке на краю стола лежали чистые бланки, исходящие. Я взял верхний и придвинул к себе. Карандаш у сержанта был привязан к чернильнице бечёвкой, и бечёвки хватило до середины бланка.

Отвечать было о чём. Шесть суток назад, вечером, на станции четвёртой линии белый сургуч на крышке отсекателя тоже был свежий. Я вдавил в него ноготь, и он подался.

Я написал первое слово. «Пломба».

Сержант смотрел на свою чернильницу. Бечёвка лежала натянутой поперёк стола, от моего карандаша к его локтю.

Слово я зачеркнул. Одной чертой, потом второй, пока под ними не стало видно букв. Карандаш положил на бланк, поперёк черты.

Её бланк я сложил вдвое, потом ещё вдвое, строкой внутрь, и провёл ногтем по сгибу. Расстегнул нагрудный карман пальто и вложил его к мандату, за булавку с листком ре-

естра. Застегнул пуговицу.

В дверях стоял Дорн. В фуражке, китель застёгнут до горла, на козырьке пыль. Давно ли он там стоял, я не знал.

— Машина внизу, лейтенант, — сказал он. — Едем на Кадир.

Папка с копией стояла на полке минут десять, а комендант уже был здесь. Про вскрытую посылку ему сказали раньше, чем дошла бы папка. Везёт он меня, выходит, туда, где разговор не ляжет ни в какой журнал. Спрашивать при сержанте я не стал.

Сержант встал. На этот раз он остался стоять.

Я отодвинул стул и поднялся. Бланк с зачёркнутым словом остался лежать на столе под карандашом, бечёвка свисала с края. Сержант на него не взглянул.

Дорн уже шёл по коридору, и я пошёл за ним, по солнечной стороне.

Дорн вёл сам, без водителя, и за два часа не сказал ни слова. На выбоинах он сбрасывал газ заранее, шагов за двадцать, и машина переваливалась, не подбрасывая. Я сидел справа, пальто лежало у меня на коленях. Левую руку я держал поверх него.

С большака он свернул на старую колею, вдоль столбов без провода, и через полчаса колея кончилась в песке. Дорн заглушил мотор. Стало слышно, как тикает остывающий радиатор и как ветер сыплет песок по крылу.

Он достал портсигар, закурил и вылез. Обошёл машину и

встал у капота, с подветренной стороны, лицом к дороге, по которой мы приехали.

Я вылез тоже и перекинул пальто через правую руку.

Пост стоял на бугре, шагах в пятидесяти. Бетонный бруствер полукругом, по пояс, поверх него мешки с песком в два ряда. Мешковина выгорела добела и полопалась, песок из неё высыпался, и мешки осели, как пустые. За бруствером торчали стены караулки, без крыши, с дырами окон. В дыру ближнего окна намело песку до подоконника.

Пост был меньше. Я помнил бруствер выше, в рост, и караулку длиннее. Проход от входа до пулемётной ячейки я помнил длинным, а прошёл его, не успев вдохнуть.

У входа, в проходе между мешками, стоял столб, и на нём держалась на двух гвоздях доска. Краска с неё облезла почти вся, до серого дерева, и по дереву шли трещины вдоль волокон. Буквы когда-то вырезали стамеской, а потом закрасили. Краска ушла, бороздки остались.

Я провёл по ним пальцем.

«Рота линейной охраны». Ниже, мельче: «Пост Кадир». Номер роты стоял в начале, перед словом «рота», и там из доски выпал сучок вместе с цифрами. Осталась дыра с тёмными краями. Палец в неё провалился.

Бороздки были забиты песком. Я выдул его, и песок пошёл мне в лицо.

С бруствера открывалась вся низина. Справа, к юго-востоку, уходила линия: столбы в один ряд, через равные про-

межутки, к Эрме. Самой Эрмы отсюда видно не было, только водонапорную башню над краем земли, тонкую, как гвоздь. На столбах не висело ничего. Один, третий от поста, стоял без траверсы.

Кабель управления к заслонке шёл по ним. У столба, где он спускался в землю, его вели в железном кожухе. Кожух стоял тогда по колено, крашеный, с номером. Днём он был виден с бруствера весь. Ночью я целил по столбу над ним, по белым изоляторам.

Сейчас у подножия столбов лежал гладкий песок.

Дорн у машины смотрел на дорогу. Дым от его папиросы ветер стаскивал вбок, к колесу.

Я спустился с бруствера там, где мешки осыпались, и пошёл к линии.

Шаг я взял ротный, каблук в след носка. Этим шагом Кавен, старшина, мерил новобранцам дистанцию, от бруствера до столбов, и считал в голос, чтобы слышали все. Двести у него выходило до кожуха. Двенадцать лет я этот шаг не ставил. Ноги вспомнили сами.

— Раз, — сказал я. — Два.

Песок под сапогом проседал и выталкивал обратно. На тридцатом я сбился с дыхания. Выдохнул и поймал шаг снова. Солнце било сбоку, тень шла слева от меня, длинная.

— Сорок. Сорок один.

Под песком попалась железка, ржавая банка из-под консервов, сплющенная. Я перешагнул.

— Девяносто восемь. Девяносто девять. Сто.

Столбы приблизились. Ветер с них нёс сухой запах дёгтя, от пропитки. Под третьим, без траверсы, песок лежал горбом.

— Сто шестьдесят.

Вблизи горб вышел ниже и шире.

— Сто девяносто восемь. Сто девяносто девять.

Двести.

Я стоял на горбе.

Сапогом я отгрёб песок. Под ним был тот же песок. Отгрёб глубже, и носок упёрся в твёрдое. Звук вышел тупой, железный.

Я опустился на колени. Песок был горячий сверху и прохладный в глубине, на ладонь. Я разгребал правой, левой отталкивал низко, у самой земли, на большее она не годится. Показался край, рыжий, в чешуе ржавчины. Потом угол. Потом стенка кожуха, наклонная, в струпьях старой краски. Под ногтями набилось рыжей трухи.

Номер на стенке не читался. Ниже номера, на ладонь от верхнего края, в железе была дыра.

Круглая, чуть вытянутая, с пятак. Металл вокруг неё вдавился внутрь воронкой. Края за двенадцать лет песок обточил гладко, до блеска, и ржавчина на них не держалась.

Я вставил в дыру указательный палец.

Он вошёл до второй фаланги. Края были тёплые и гладкие, как обкатанный камень. Внутри палец упёрся в сухое

и рыхлое, и оно раскрошилось. Я повёл пальцем вбок и нащупал жилу. Медь, витая, с острым концом. Рядом вторая, с таким же концом, торчащая навстречу. Между ними был зазор. Палец в нём помещался.

Изоляция осыпалась под пальцем на дно кожуха, с тихим шорохом.

Приклад тогда ударил в плечо. Впереди, в темноте, звякнуло, коротко, железом о железо, один раз. Этот звон я помнил двенадцать лет и все двенадцать лет не знал, в какое место он пришёлся.

В это.

Я повернул голову, не вынимая пальца. Бруствер стоял на бугре, прямо против меня. С этого места он был маленький. Мешки на нём белели полосой, и над полосой торчал столб с доской.

Дорн курил у капота, спиной ко мне.

Палец я вынул. На подушечке остался рыжий след и крошка чёрной изоляции. Я вытер его о брюки. Встал. Колени были в песке, и песок сыпался из складок, пока я их отряхивал, сперва одно, потом второе.

Песок я сгрёб обратно, на кожух, сапогом. Горб вышел ниже прежнего.

Обратно я шёл без счёта. Дорн бросил окурок, наступил на него и пошёл к посту. Когда я поднялся на бруствер, он сидел там на мешках, лицом к линии, и отвинчивал крышку фляги.

Солнце легло на край степи, и мешки на бруствере стали рыжими. Песок в них остыть не успел. Дорн сидел, вытянув ноги, фуражка лежала рядом, на мешке, околышем вниз. Волосы у него на лбу слиплись от пота.

Фляжу он протянул мне, не поворачивая головы.

Я сел рядом, пальто положил на мешок по другую руку. Мешок подо мной просел, и из прорехи в мешковине потекла тонкая струйка песка, на бетон, с шорохом. Фляга была армейская, в суконном чехле, сукно вытерлось на углах до ниток. Я отпил. Вода была тёплая и отдавала жестью.

Вода. Здесь её на улице держат под замком.

Дорн смотрел на линию. Над столбами висела пыль, красная против солнца, и столбы в ней стояли чёрные.

— Наутро вашу роту расформировали, — сказал он. — Приказ пришёл к шести. Людей раскидали по гарнизонам, по двое, по трое. Кого на дальнюю границу, кого в Саррат, в караульную команду. Двоих в писаря. Пост закрыли через неделю. Мешки бросили, сняли только пулемёт.

Он зачерпнул из прорехи горсть песку и пропустил сквозь пальцы, на колено.

— Склад вывезли, — сказал Дорн. — Колючку свернули. Всё.

Фляга была у меня в руке. Сукно чехла под пальцами было влажное с одного бока, где он держал.

— Кавен, — сказал я.

Дорн не повернулся. Над линией прошла птица, низко,

вдоль столбов, и пропала в пыли.

— «Старшина Юстус Кавен. Погиб при исполнении. Гидроудар в линии после выстрела». — Сказал без запинки, как с листа.

Последние два слова я сказал вместе с ним. Губами, без голоса. Дорн их не услышал.

— Той же ночью, — сказал он. — Так записали.

Я ждал, что он скажет ещё. Он молчал.

Струйка из мешка подо мной иссякла. Песок на бетоне лёг конусом, с мою ладонь.

Я протянул ему флягу. Он взял, не глядя, и стал закручивать крышку. Крышка шла по резьбе с хрустом песка. Он докрутил до упора. Потом ещё. Пальцы у него побелели на ногтях, и на запястье выступила жила. Он держал так, пока крышка не перестала скрипеть, и только тогда отпустил.

У меня в нагрудном кармане лежал блокнот. В блокноте строка из реестра, переписанная в архиве его комендатуры, и три подписи под ней, последняя с хвостом через строку.

Я туда не полез.

Дорн повесил флягу на ремень, за спину. Взял фуражку, надел. Упёрся ладонью в мешок и встал. Мешок под его рукой тоже просел и потёк песком. Он отряхнул брюки, сзади, обеими руками, два раза хлопнул по колену.

Встал он лицом к линии. Солнце ушло наполовину, и столбы потеряли тени. От кожуха под третьим столбом не было видно ничего, ни горба, ни следа моих колен.

Пыль над линией садилась. Сверчок под бруствером начал, сбился и начал снова. Дорн всё смотрел туда.

— Гроб Кавена был закрытый, — сказал Дорн. — Под пломбой поверки.

Он повернулся и пошёл вниз, к машине, по осыпавшимся мешкам. Песок уходил у него из-под сапог, и он ни разу не оглянулся. Хлопнула дверца. Мотор он не завёл.

Я остался сидеть.

Бетон бруствера под мешками был ещё тёплый. Я положил на него ладонь, плашмя, в прореху между двумя мешками, где песок высыпался до самого бетона. Тепло шло в руку снизу, медленно.

Левой я нашёл в боковом кармане пальто кусок сургуча со станции четвёртой линии. Белый, сухой, с острым краем по излому. Я повернул его изломом к закату. На куске уцелел край оттиска, дуга ободка, и по дуге шли мелкие цифры. Прочесть их уже не хватило света. Я положил кусок на бетон, рядом с ладонью, оттиском вверх.

Внизу, у машины, фары так и не зажглись.

Глава 8. Ночной такт

Ящик стола в насосной шёл туго. Нерис дёргала его к себе рывками, пока внутри что-то не звякнуло о стенку.

Секундомер был станционный, никелированный, и никель по краю стёрся до меди. Нерис обтёрла его о фартук и положила на стол передо мной, рядом с моими часами.

— Его при старом смотрителе заводили, — сказала она. — Пойдёт, так берите.

Я завёл. В пружине похрустывало. Нажал, и большая стрелка побежала, отщёлкивая доли. Второй нажим её остановил, третий сбросил на ноль.

Было начало третьего.

Манометр Нерис сняла с гвоздя за журналом и стянула с него брезентовый чехол. Шкала белая, на последней трети по делениям шла красная черта, от руки, краской. Ключи она принесла в ведре.

Крышку люка я поднял правой и опустил к стене. Из ямы пахнуло сыростью, землёй и старой смолой.

Нерис спустилась первой, подоткнув юбку, и поставила фонарь на кирпичный выступ. Под трубой, у самого дна, сидел отвод в палец толщиной, с краником, на конце краника заглушка. В прошлый раз я лежал ладонью на трубе сверху и его не видел. Через ушки заглушки и краника шла проволока, и на её концах сидел свинец с оттиском от клещей.

Нерис присела над ним и рук не протянула.

— Пломба партии, — сказала она.

— Вижу.

— Сорвём, утром придут и посмотрят. На смене у меня трое. Их и возьмут. — Она выпрямилась в яме по пояс и вытерла ладони о фартук. — Я её не трону.

Я прикинул. Если она права, утром за свинец возьмут троих. Если не сорву, Аделин получит от меня про эту трубу одну строку: «бьёт под полом».

Я слез к ней. В яме двоим было тесно, и я зацепил левым плечом кирпич. Отозвалось до лопатки.

Проволоку у свинца я взял правой, намотал на палец и дёрнул вниз и на себя. Скрутка лопнула. Свинец повис на одном конце, покачался и замер.

— Сорвал уполномоченный комиссии, — сказал я. — При вас. Пусть пишут на меня.

Нерис смотрела на свинец. Потом вынула из ведра разводной ключ.

Заглушка пошла с третьего качка, и из-под неё выкатилась ржавая капля. Нерис навернула манометр пальцами и довернула ключом на четверть. Открыла краник. Стрелка под стеклом дёрнулась, прошла пол-шкалы и встала, дрожа.

Нерис назвала деление.

Я сел на край люка, ноги в яму, и провёл в блокноте черту сверху вниз. Слева время, справа давление. Её цифру я написал справа, первой строкой. Часы показывали два трид-

цать восемь. Две минуты мы молчали: Нерис смотрела на стрелку, я на свои часы.

Секундомер лежал у меня в левой ладони. Палец на головке.

Мотор смолк. Вал провернулся по инерции, сальник скрипнул, и наверху лязгнул обратный клапан.

Под нами стукнуло.

Палец сам вдавил головку. Стрелка побежала.

Над открытой ямой удар шёл без бетона: вода била в трубе глухо, как в бочку, и от каждого толчка с края люка сыпалась пыль. Пламя в фонаре вздрагивало. Я считал удары про себя, до десяти, и на десятом писал, что показывает стрелка. Секундомер не останавливал: разницу между строками я решил считать потом.

— Есть, — говорил я на каждом десятом.

Нерис называла деление. Я писал справа.

На третьей строке я увидел, как пишу. Минуты чертой сверху, секунды мелко, в край. Так пишет замеры Аделин, на краю верстака. Строку я не исправил и следующую написал так же.

Нерис не поднимала головы от стекла, и фонарь светил ей снизу в подбородок.

К девятой минуте стрелка манометра поползла. Между моими «есть» она ходила в такт, на волос, и возвращалась каждый раз чуть выше. Нерис стала называть громче. Потом стала называть, не дожидаясь моего «есть».

Удары пошли чаще. Десятый догонял меня, пока я дописывал строку, и строки ложились короче. Я перестал ставить черту у минут.

Десятая минута. Нерис почти кричала, и цифру я записывал, не успевая проверить, ту ли расслышал. Карандаш на последней строке продавил бумагу насквозь.

На одиннадцатой стрелка прыгнула.

Она ушла разом, через красную черту, до упора, и там билась в штифт. Нерис протянула руку к кранику.

— Держите…

Со стороны забора ударило.

Глухо, тяжело, одним разом, как падает в колодец бадья. Бетон подо мной вздрогнул. Фонарь на выступе подпрыгнул и звякнул стеклом. С потолка посыпалось на страницу блокнота.

Удары в трубе кончились.

Я нажал головку. Малая стрелка стояла на одиннадцати. Секундомер я положил на выступ к фонарю, блокнот сунул за пазуху и поднялся.

За спиной щёлкнуло реле в железном ящике, и мотор взвыл, набирая ход.

Дверь я толкнул правым плечом. Нерис выбиралась из ямы следом. Мешковину она сорвала с гвоздя на ходу, окунула в ведро у двери и с мокрой выскочила за мной.

Снаружи стена насосной ещё держала дневное тепло. По всей Эрме лаяли собаки.

Свист шёл высокий, на одной ноте, он входил в уши и стоял в них. Я пошёл на него вдоль забора, потом побежал.

На каждом третьем столбе забора горела лампа под жестяным колпаком, и я бежал от пятна к пятну. Левую я прижал локтем к боку, и плечо всё равно встряхивало на каждом шаге.

Над забором впереди стоял пар. Белый в свете ламп, он поднимался столбом над плоскими крышами за сеткой и наверху расползался, как дым от сырых дров. Там, у самого забора, стояли бараки партии, длинные, в один этаж.

Пахло мокрым железом, горячей смолой и чем-то кислым, банным.

Нерис догнала меня у поворота, с мокрой мешковиной у груди.

Калитка в заборе была железная, в раме из уголка. Перед ней стояли двое охранников партии, с фонарями и с винтовками на ремне.

— Назад. Территория партии.

Изнутри, из-за пара, кричали. Несколько голосов, один высокий, срывающийся, и он не переставал.

— Там люди, — сказал я.

— Посторонним нельзя.

Мандат лежал в нагрудном кармане. Доставать его было некогда. Охранник с фонарём шагнул ко мне и перекинул винтовку с ремня в руки.

Нерис сунула мне мешковину. Она была холодная и пахла

ржавой водой из ведра.

Обмотать лицо одной правой не вышло, конец соскользнул. Нерис забрала его, обвела мешковину вокруг моей головы и затянула узел на затылке, рывком, как затягивают мешок. Вода потекла мне за ворот.

Через мокрую ткань я смотрел на барак, над которым пар стоял гуще. Из среднего окна и из дальнего конца, где должна была быть дверь, пар выходил пластом, и в нём желтело: внутри горела лампа. Мокрая мешковина продержит недолго, потом нагреется сама. Туда и назад, с грузом.

Охранник упёр мне в грудь приклад. Окованный затылок встал под левую ключицу. Я выдохнул и на ногах устоял.

— Сказано, назад.

Свист вдруг опустился на тон, стал ниже и толще, и из пара, со стороны бараков, выбежал человек. Босой, в исподнем, руки он держал перед собой, растопырив пальцы. Он бежал прямо на калитку, не видя её. У самой рамы ноги у него подломились, и он упал на колени, потом на бок, лицом в пыль.

Охранник повернулся к нему. Приклад ушёл с моей груди.

Я прошёл в калитку между ними, боком, правым плечом вперёд. Меня никто не окликнул.

За калиткой стоял пар.

Он жёг через мешковину. Мокрая ткань на лице стала горячей за три шага, и я дышал ртом, через неё, мелко. Пар лез в прищуренные глаза, и в них стояла белая муть. Фонари за спиной пропали. Свет шёл со всех сторон сразу и не

показывал ничего.

Я пошёл на крик.

Высокий голос был впереди и левее. Под ногами хлюпало, вода была горячая и шла мне в сапоги через шов. Я выставил правую руку вперёд. Ладонь нашла доску, мокрую, тёплую. Стена барака. Я пошёл вдоль неё, на голос.

Доски кончились. Под ладонью был косяк.

Пар бил из проёма мне в грудь, тугой, как вода из рукава. Свист шёл снизу, из-под пола, и пол дрожал.

На пороге, поперёк, лежал человек. Лицом вниз, руки под собой. Рубаха на спине у него была мокрая насквозь и от неё шёл пар.

Я опустился на колено в горячую воду и перевернул его правой, за плечо. Голова у него мотнулась. Лицо красное, глаза закрыты, рот открыт. Дышит.

Правую я просунул ему под мышку и через грудь, взял рубаху в кулак. Левой ухватил за ворот. Встал, сколько дала спина, и потянул.

Он не сдвинулся. Мокрая рубаха под кулаком поехала, растягиваясь, а сам он остался лежать, как мешок с мокрым песком. Я перехватил ниже, за ремень штанов, и рванул корпусом, назад, от двери.

Левое плечо прострелило до локтя. Ворот вырвался из левой. Человек проехал по мокрому порогу на полшага.

Левой я больше ничего не брал. Положил её ему на грудь, чтобы голова не падала, и тянул одной правой, корпусом,

рывками. На каждом рывке плечо отвечало одним и тем же ударом под ключицу.

Из самого густого пара я вышел спиной вперёд, и стало видно лампу на столбе. Пальцев правой в его ремне я уже не чувствовал и проверил глазами, держат ли. Держали.

У калитки меня взяли за плечи. Нерис, и с ней тот, в майке, что запирает кран. За их спинами в темноте стояли люди, Эрма поднялась на удар. Он подхватил моего под колени, и вдвоём мы вынесли его за раму, на дорогу. Охранников у калитки не было. Их фонари качались дальше, за бараками.

— Живой, — сказала Нерис, нагибаясь к нему.

Мешковину я сорвал с лица и окунул в чьё-то ведро у калитки. Нерис намотала её обратно и стянула узел.

Второй раз я шёл в пар по своему следу. Вода в сапогах остыла и хлюпала. Свист у двери стал тише, пар шёл из проёма рывками, и между рывками было видно нары в два яруса и лампу под потолком, мигающую.

Внутри кашлял человек.

Он сидел на полу у нижних нар, привалившись к стойке. Руки он держал на весу, ладонями вверх, кожа на них была красная до локтей и на ладонях вздувалась белым. Увидев меня, он рванулся. Правой рукой, всей ошпаренной пятернёй, он вцепился мне в полу пальто и закричал.

— Встать можешь?

Он встал по пальто, как по верёвке. Я взял его правой под локоть, выше ожога, и повёл, левую прижал к боку. Пальто

он не отпускал. На пороге под ногами лязгнуло железо. Я переступил.

Мы вышли вдвоём.

От дальнего конца бараков, от второго забора, бежали люди с носилками. Ворота в том заборе стояли открытые, и свет из них лежал на земле полосой. Ворота зоны. Люди партии бежали по двое, на каждую пару носилки, и никто из них не кричал. Пара за парой они уходили в пар и через минуту выходили с грузом. Поворачивали к воротам. Шли в ногу.

Тот, что упал у калитки, уже лежал на носилках, и его несли.

Я довёл второго до рамы калитки и передал Нерис. Она перехватила его за плечи.

Из темноты к нам вышел человек партии, в куртке, как у охраны, с фонарём. Он посветил в лицо моему первому, лежавшему на дороге, и взял его за ворот.

— Этих тоже.

— Этих в Саррат, — сказал я. — В госпиталь.

Ворот моего первого он не отпустил. Я ждал, что он позовёт охрану.

Хозяин крана встал у Нерис за спиной. За ним подошли из темноты поселковые и встали ближе. Кто-то держал в руке лопату, черенком в землю.

От ворот свистнули, коротко, два раза. Человек партии разжал пальцы. Ворот упал. Он повернулся и пошёл туда, откуда свистели, не торопясь.

Носилки шли мимо калитки, по ту сторону рамы. Я начал считать их от первых. Сбился я на паре, которая шла предпоследней, под фонарём.

На этих носилках брезент лежал с головой.

За ними шли ещё одни. Тоже под брезентом, тоже с головой, и из-под края брезента висела рука, и её подобрали и положили сверху, на ходу. Несли их тем же шагом, как всех.

Дорога к Саррату, к госпиталю, шла у меня за спиной, через Эрму, на большак.

Ворота зоны открылись шире, изнутри. Носилки ушли в свет, одни за другими, и последние, под брезентом, тоже. Створки сошлись. Свет из ворот погас, полосой, сверху вниз. Лязгнул засов, с той стороны.

Пар над бараками садился.

Калитка стояла без охраны. Я прошёл в неё обратно, к порогу барака.

На пороге лежал обрезок трубы. Тот, обо что лязгнуло. В локоть длиной, толщиной в кулак, один торец гладкий, под пилу, другой разошёлся вдоль шва, губами наружу. От него ещё шло тепло, я чувствовал его лицом.

Краник в яме под насосной так и стоял открытый, под манометром. Я смотрел на лопнувший шов и думал о нём. Потом нагнулся.

Мешковину я снял с лица и намотал на правую. Жар прошёл через мокрую ткань сразу, в ладонь. Я завернул железо в мешковину целиком и понёс под мышкой, прижимая лок-

тем.

За калиткой, у забора, сидели на земле мои двое. Я сел рядом с ними, на землю. Свёрток положил на колени.

Первый кашлял, перегнувшись, и сплёвывал в пыль. Второй прижимал руки к груди, ладонями к себе, и раскачивался.

Нерис развязала на себе мокрый фартук и накрыла им второго, до подбородка.

Машину комендатуры я вывел к большаку ещё затемно. На выезде из Эрмы поперёк дороги стоял грузовик партии с потушенными фарами, у кабины курили двое. Я развернулся и поставил машину обратно под башню.

Пока меня не было, Нерис спустилась в яму, закрыла краник и свинтила манометр. Свинец на обрывке проволоки она оставила висеть.

— Смена придёт к шести, — сказала она. — Пусть видят.

К утру окно под потолком насосной посерело. Нерис выключила лампочку и зажгла фонарь. Свёрток с трубой лежал под столом, и от него тянуло палёной смолой.

Двое сидели на лавке у стены, плечо к плечу. Первый дышал с присвистом, голову держал на руках. Второй кружку взять не смог, и Нерис поила его сама.

Воду она лила ковшом на ожоги, тонкой струёй, над тазом. Потом рвала на полосы старую простыню, мочила и обкладывала. Пахло керосином и обваренной кожей, как в бане, где пересидели.

Фонарь держал я.

Поднял я его правой, над лавкой, и тогда увидел своё запястье. Между манжетой и ладонью кожа вздулась белым пузырём, в пятак. Где я его получил, я не знал.

Правую руку второму она обложила до локтя. На левой ситец прилип к ожогу, сел в него, как в клей.

Она взяла со стола портновские ножницы.

— Дай руку.

Он отдёрнул руку и прижал её к боку, локтем к рёбрам. Из-под рукава сразу проступила сукровица, по ситцу, тёмным.

— Не надо, — сказал он. — Само отойдёт.

— Само не отойдёт. Кожу снимешь вместе с рукавом, когда отдирать будешь. Дай.

Он посмотрел на неё. Потом на меня. Я опустил фонарь к лавке, на уровень его плеча.

Он разжал локоть.

Его руку она положила себе на колено, держа за кисть, где не было ожога. Ситец она резала вдоль, от запястья вверх, мелкими укусами, и останавливалась, когда он втягивал воздух. Где ткань села в ожог, она поливала из ковша и ждала, пока отойдёт.

На локтевом сгибе ожог кончался. Выше кожа была целая, незагорелая.

Нерис откинула рукав.

На внутренней стороне, под сгибом, был квадрат. Под ко-

жей, с ноготь большого пальца, и кожа над ним стояла бугром, натянутая. Края вокруг красные, воспалённые, и по одному краю шёл короткий разрез, зашитый, с двумя узелками чёрной нитки.

Ножницы у Нерис в пальцах так и остались раскрытыми.

Я поднёс фонарь ближе. От стекла на квадрат легло пятно, и в пятне под кожей проступил контур, прямой, с углами.

В южных протекторатах я такое уже видел. И в Ривенхольде, у мёртвых в дешёвых серых плащах поверх армейской сборки: левое предплечье, под локтев

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.